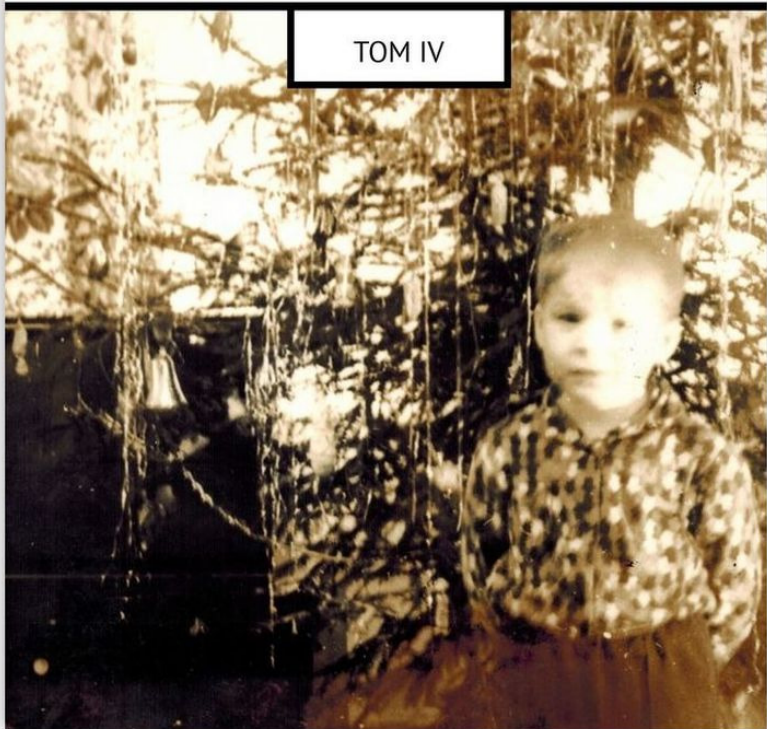


18+

ВЛАД КОСТРОМИН

Наследники Мишки Квакина

ТОМ IV



Влад Костромин
Наследники Мишки
Квакина. Том IV

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63988656
ISBN 9785005324290*

Аннотация

Сборник «Наследники Мишки Квакина. Том IV». Является продолжением сборников «Наследники Мишки Квакина» том I – II – III. Вас снова ждут веселые и забавные, а порой и страшные, приключения юных костромчат Пашки и Влада, их заумного хвастливого и скаредного отца, чопорной строгой и экономной матери, глупых жадных родственников и разнообразных деревенских друзей.

Содержание

Автомат	6
Раки в укропе	26
Сапоги мертвеца	29
Горбатого могила исправит	41
Яблочная лихорадка	55
Санта-Барбара	79
Ловкачи	89
Куку-руку	109
Даниил Галицкий	126
Котлеты украл валет...	134
Нервная ночь	138
Кто ездит в гости по утрам (Всадник без головы)	147
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Наследники Мишки Квакина Том IV

Влад Костромин

© Влад Костромин, 2021

ISBN 978-5-0053-2429-0 (т. 4)

ISBN 978-5-4493-6050-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник «Наследники Мишки Квакина. Том IV». Является продолжением сборников «Наследники Мишки Квакина» том I – II—III. Вас снова ждут веселые и забавные, а порой и страшные, приключения юных костромчат Пашки и Влада, их заумного хвастливого и скаредного отца, чопорной строгой и экономной матери, глупых жадных родственников и разнообразных деревенских друзей.

С наилучшими
пожеланиями!
Всем добра, мира и
Славополучия!
Виктор

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения Автора. За нарушение авторских прав законодательством Российской Федерации предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Автомат

– ... автоматический мошенник Мити Клюквина... –

Пашка потряс журналом. – Ты понял?

– Чего? – я оторвался от приемника, который паял второй час.

– Автоматический мошенник Мити Клюквина, – снова, голосом торжественным, будто зачитывая воинскую присягу, повторил брат отрывок из повести Юрия Сотника «Машка Самбо и Заноза».

– И что?

– А то, бестолочь, что нет никакого толка с твоей электрики, – брат обвиняюще показал на приемник.

– Электроники, – автоматически поправил я.

– Тем более, – Пашка поморщился, – паяешь, паяешь, только свет зря переводишь.

– Мы все равно за электричество не платим. Батя же напрямую к столбу подключился.

– А если бы платили? Если бы платили? Что тогда?

– Что тогда?

– Ты бы нас разорил!

– Не драматизируй.

– Я не драматизирую, просто нет пользы. Совершенно нет пользы!

Казалось, еще чуть-чуть и брат начнет рвать на себе воло-

сы, как отцовская старшая сестра тетя Нина, когда ей приходилось за что-то платить.

– Не нуди. Чего ты привязался?

– Ты должен сделать такой же автомат!

– Как я его сделаю?

– Ты же приемники делаешь, вот и автомат сделай.

– Зачем?

– Ты совсем ку-ку? – подражая нашей двоюродной сестре Лариске, дочке тети Нины, Пашка покрутил пальцем у виска. – Деньги зарабатывать. Этот крендель, Митя Клюквин, чай не умнее нас, а тридцать копеек заработал. Чем мы хуже?

– Это же книга, там что угодно могут написать.

– В книжке брехать не станут, – убежденно возразил брат. – Кто же брехню напечатает?

– Ну...

– Не нукай, а делай автомат, пока никто другой не сообразил.

– Как они сообразят?

– Прочитают в журнале.

– Как они могут прочитать, если ты его украл из библиотеки?

– А вдруг кто-то его выписывает?

Определенная логика в словах брата была.

– У меня схемы нет.

– Придумай!

– Как я придумаю? – я взял журнал, прочитал. – Там ме-

ханический автомат.

– А ты сделай электрический.

– Ну...

В мозгу начала вырисовываться идея. Когда-то я делал из картонной коробки от шоколадных конфет, лампочек, проводов, батарейки и ножниц, автомат для ответов на вопросы. Кто мешает повторить, только посложнее и посolidнее? Переключателей и лампочек, украденных с приборных досок тракторов и комбайнов, у нас было полно. Почему бы и не сделать? Главное, выбрать корпус подебелее. Разных коробок и железных ящиков у нас тоже полно. Значит, корпус не проблема. А питание сделаем от трансформатора...

Автомат-мошенник мы городили неделю: сверлили, клепали, паяли, нарезали резьбу, красили, гнули из толстой жести монетоприемник. На кубическую металлическую коробку прикрутили болтами старый самовар (будто в нем газировка. На самом деле планировали налить воды, чтобы автомат был тяжелее). Всю конструкцию раскрасили в разные цвета, покрыли прозрачным лаком. Сверкающий лаком и перемигивающийся разноцветными лампочками автомат произвел впечатление даже на нас.

– Во как! – восхищенно прошептал Пашка. – Совсем как настоящий, как в кино про Шурика.

– Ну... – я почесал затылок, – там другой был...

– Все равно, внушает.

– Угу.

– Я вот только что думаю...

– Что?

– Стакан же украдут.

– Я про это как-то не подумал, – растерялся я. – А что делать?

– Просверлим и на цепочке прикрепим.

– Как мы стекло просверлим?

– Ну... – теперь растерялся Пашка. – Не знаю. Ты старший, ты и думай.

В результате долгих размышлений просверлили пластмассовый складной стакан, где-то украденный отцом, и прикрепили за цепочку к самовару.

– Во! – Пашка, будто взбесившийся верблюд, пустился в безумный пляс по двору. – Приходи кума любоваться. Теперь заработаем! Заработаем немножечко денежек! – он довольно потер руки.

– Все это хорошо, – пресек я восторги брата, – но кто в него будет бросать монеты? У нас во дворе его никто и не увидит...

– А если в саду поставить? – Пашка прекратил скакать.

– Кто в саду с собой деньги носит?

– Тоже верно... – брат ожесточенно поскреб затылок. – Возле магазина? В магазин все с деньгами ходят.

– Просто возле магазина? Продавщица уберет. Давай лучше в конторе поставим. Там никто не уберет.

– Точно! Ура!!!

Ночью, подобно матерым полуношникам, мы поволокли свое творение в правление. Впервые что-то тащили ночью не домой, а из дома. Еле дотащили, вздрагивая от каждого шороха. Поставили в длинной комнате, служившей неким подобием коридора, дверь в которой никогда не запиралась, на табурет вместо высокого бачка из нержавеющей стали, в котором лениво блестела затхлая вода для питья. Бачок для равновесия мы забрали с собой, домой. Легли спать, предвкушая невиданное богатство, которое должно было свалиться на нас в ближайшее время.

Утром, когда родители после завтрака ушли на работу, мы побежали следом. В правлении уже толкались зеваки, бросая в автомат монеты и восхищенно матерясь, когда начинала мигать красная лампочка под табличкой «Сиропа нет».

– Без сиропа бери, – советовали титулованному механизатору Печенкину.

Печенкин щелкал выключателем, выбирая «Без сиропа» и совал еще монету. В ответ ехидно мигала желтая лампочка под табличкой «Газировки нет».

– Вот же шайтан-машина! – Печенкин с досадой ударил по самовару. Загорелась синяя лампочка под табличкой «Воды нет».

Потолкавшись в толпе и проводив взглядом очередную монету, исчезнувшую в ненасытном нутре автомата, мы вышли на улицу.

– Богаты! – шептал Пашка, тыча меня локтем в бок. – Мы богаты! Обдерем их как липку!

– Ладно, еще не вечер. Пошли отсюда, нечего глаза мозолить.

В обед приехали родители. Отец победно потряс вынутым из кармана пиджака складным стаканом.

– Вот, ловкость рук и никакого мошенничества, – заявил он самодовольно, бухнув добычу на стол. – Нам в пару будет.

Мы с Пашкой переглянулись, узнав стакан с нашего автомата.

– Учитесь, лежебоки, – отец щелкнул Пашку, лицо которого вытянулось от осознания прервавшегося потока монеток, по лбу, уселся на стул и погрузился в поедание принесенных в термосе столовских макарон и котлет. – Прикиньте, киндеры, какие-то разини автомат для продажи газировки в правлении поставили, а я с него стакан и умыкнул. Додумались, да?

– Вдруг, какой заразный с него пил? – нахмурилась мать. – Вить, волокешь в дом всякую ерунду, никакой управы на тебя нет. Как уж все в дом тащишь.

– Я хозяйственный. Сначала надо умыкнуть, а потом уже думать, что с этим делать! Не, ну каковы придурки, да, Валь? За внедренье автомата дали премию Игнату. Получил ее Иг-

нат – свез на свалку автомат.

– Вить, я сама все прекрасно видела. Чудотворцы какие-то, – рассуждала она, размешивая ложкой чай, – нормальные люди никакого автомата в нашей глуши бы ставить не стали. Тут какой-то подвох.

– Я про то же, – закивал отец. – На лицо подвох.

– Обдиралы какие-то, или рвачи это. Помнишь кино «Менялы»?

– И что?

– Вот и эти так же. Мелочь собирают, значит, скоро опять обмен денег будет.

– Х-м, логично... – отец звучно шмыгнул. – Все может быть.

– Тебе лишь бы жрать, – мать недовольно поджала губы, – а у нас убытки могут быть.

– Не бойсь, – отмахнулся, – прорвемся. С таким мужем не пропадешь, – надулся от гордости, будто индюк.

После обеда родители уехали на работу, а мы, доев остатки отцовской трапезы, погрузились в горестное молчание.

– А если обратно прикрепить? – спросил брат.

– При всех? Думай, что говоришь.

– Ночью можно...

– А завтра отец еще раз стакан сопрет.

– Он может.

– И что, каждую ночь приделывать?

– Ну!

– Потом он спросит, где все эти стаканы? И что тогда будем делать?

– Не знаю я, – скривился Пашка.

– Вот и я не знаю.

– Сколько-то же должны были набросать денег.

– Сколько набросали, до ночи мы не узнаем.

До ночи Пашка крутился, как на иголках, все заглядывая мне в глаза: не пора ли идти? Я ждал. В голове мелькала мыслешка, что отец вполне может припереть злосчастный автомат домой, тем более что мать вечером притащила с работы цепочку, которой раньше к нашему электромошеннику крепился стакан. Не учли мы деревенских реалий: тут бы и самого описанного Сотником Митю Клюквина вместе с его механическим мошенником обокрали.

– Учитесь, дармоеды, – помахала она цепочкой, – все сидите за спиной родителей, как сидни, а мать за вас плечи ломает, пока вы спите без просыпу.

– Ничего мы не спим, – пробурчал Пашка, с тоской глядя на трофей матери.

– Погордыбачь мне еще! – мать замахнулась цепочкой, но бить не стала. – Чешите свиньям варить, нечего тут без дела дроболыхаться, как дохлые медузы в Туапсе.

– Так батя и автомат наш стырит, – глядя на бушующий

в железном ободе огонь, озвучил Пашка мои мысли.

– Батя может. Может даже просто на блестящую железку позариться, как сорока.

– Это да, – вздохнул брат, – вон сколько хлама домой на-ташил.

– Чего прохлаждаетесь, студенты? – над забором всплыла лысая отцовская голова. – Заняться нечем? Скучаете? – вкрадчивости в его голосе позавидовал бы и подзывающий бандерлогов удав Каа.

– Мы свиньям варим, – угрюмо ответил Пашка внимательно глядя на родителя: не держит ли он за спиной нашего электромошенника.

– Молодцы, – отец открыл калитку и зашел к нам, – я в вашем возрасте свиней варил, но вы тоже дорастете, если будете батьку слушать. Батька у вас добытчик, – достал из кармана моток провода с вилкой на конце и потряс им.

Я без особого удивления узнал кабель, ранее питавший током наш автомат. Да, Митя Клюквин с таким папашей точно бы никакого автомата не собрал.

– С автомата менял снял, – похвалился отец. – Не будете разинями, так и вы что-нибудь урвете. Ладно, варите, а я пойду, выпью чашечку или стаканчик...

Отец пошел к дому.

– А автомат где? – не выдержав, с надрывом в голосе, вслед ему прокричал вскочивший с пня Пашка.

– Автомат я оставил, – оглянулся отец. – Ночью засаду

устрою, – сообщил он доверительно.

– Какую засаду? – не понял я.

– На тех, кто его поставил, – отец понизил голос. – Хочу застукать этих менял на месте преступления.

– Зачем? – в один голос спросили мы с Пашкой.

– Затем, дети мои, что готовится зловещее преступление в правлении, а пресечь преступление – мой долг!

Отец удалился, оставив нас в полной растерянности.

– Что делать? – Пашка метался вокруг костра, словно ночной мотылек вокруг включенной лампочки. – Что теперь делать?

– Сейчас мы туда пойти не можем, – рассуждал я, – светло, нас заметят. Когда стемнеет, отец засядет в засаде – нас поймает...

– Когда идти?! – брат вскочил на свой пенек и начал размахивать руками, будто собираясь взлететь.

– Не паникуй, я что-нибудь придумаю.

– Да что ты придумаешь? – Пашка заплакал. – Понавыдумывал автоматов своих!

– Вот еще! – я вскочил с пня. – Это была твоя идея! Твоя!

– Идея моя, а автомат придумал ты. Ты придумал – ты и виноват!

– Да ну тебя! – я плюнул от досады в костер. – Больше не буду с тобой связываться, трясогуз убогий!

– А ты падла! – брат спрыгнул с пня и схватил топор.

Брат был человеком трусливым, но с кандибобером

и невероятно жадным и упущенная призрачная выгода вполне могла толкнуть его на какие-нибудь глупости.

Я схватил полено:

– Только попробуй!

– Вот еще, – Пашка воткнул топор в пень. – Я пошутил.

– Я тоже, – я подбросил полено в костер.

– Пока ты тут шутишь, там наши деньги лежат.

– Хватит ныть. Свиньям доварим и пойдем.

– Ура!!! – заорал Пашка и начал прыгать.

– Чего ты скачешь, серенький козлик? – на крыльце стояла мать. – От безделья сбрендил? От полежания тронулся?

– Я рад, что у нас такие родители! – нашелся Пашка.

– Неужели? – растерялась мать.

– И я рад, – поддержал я.

Вдруг поверит, и приготовит на ужин что-нибудь вкусное?

– Ладно, пойду Витьке скажу про вашу радость.

Мать скрылась в доме.

– Если она узнает, что мы ее обманули, – тихо сказал Пашка, – то она нас удавит.

– Угу, – согласился я, – есть такое дело. Если узнает.

До ужина сдернуть в правление не представилось возможности. На ужин мать расщедрилась, сготовив нам с Пашкой по котлете, что было с ее стороны неслыханной щедростью.

– Транжира ты, Валентина, – пробурчал отец, недовольно глядя на нас и поедая сразу две сложенные котлеты, промежуток между которыми был щедро намазан смесью сметаны,

горчицы и хрена.

– У детей растущие организмы, – парировала мать.

– Я в их возрасте сам котлеты добывал, а не клянчил у родителей, – проглотив котлеты, отец двинул Пашке миску с остатками вареного гороха. – Доедай, – встал из-за стола и ушел в спальню.

Вернулся с ружьем и опоясанный патронташем. Сел в кресло у телефона. Закурил и начал набирать номер.

– Ты куда? – встревожилась мать. – Опять чертей ловить?

– Поеду менял ловить.

– Где ты их поймаешь? – хмыкнула мать. – Они уже далеко, ищи ветра в поле.

– Возле автомата, – ответил отец и напористо заговорил в трубку: – Нин, мужика позови. А что, у тебя их несколько? Вот его и зови. Здорово, Микола. Бери ружье, поедем преступников ловить. Что значит опять? Премия надоела? Тот же. Через пять минут выходи на дорогу.

Положил трубку, встал с кресла.

– Ариведерчи, – в дверях оглянулся. – Писем не ждите, читайте в газете.

Ушел.

– Дай то Бог нашему теляти менял поймати, – перекрестилась мать.

Пашка радостно поедал горох. Я понял, что мы к автомату безнадежно опоздали.

Отец и Лобан проторчали в засаде, затаившись в предбан-

нике почты, всю ночь, бдительно следя за дверью правления. Когда первые лучи Солнца начали ласкать землю, отец не выдержал и ворвался в правление, чтобы забрать обворованный автомат. Автомата в правлении не было... Чертыхнувшись, отец пощупал пустой табурет – автомата не было. Он вышел на крыльцо.

– Лобан, иди сюда.

Зевающий Лобан выбрался из машины, которую успел подогнать из липовой аллеи, где она простояла всю ночь, и зашел в правление.

– Смотри, автомат видишь?

– Нет. А где он?

– Украли! – отец с досады пнул табурет, сломав его. – Изпод самого носа утащили, проклятые менялы!

Раздосадованный, вернулся домой, матерясь позавтракал и уехал на работу, где заперся в кабинете и лег спать на стульях. Мать ушла следом.

– Менялы уперли наш автомат, – испуганно шептал Пашка. – Вдруг они наркоманы и меня украдут?

Популярная страшилка матери, что Пашку украдут наркоманы, чтобы сделать из его мозга наркотики, пугала брата всю жизнь.

– Какие менялы? Ты чего? Сам ку-ку? Никаких менял нет.

– Ты думаешь?

– Что тут думать? Мы же сами автомат поставили. Ты забыл что ли?

– Ну... точно, сами! – брат хлопнул себя по лбу. – Но не мы же его украли. Кто тогда? Менялы?

– Не сходи с ума. Украсть автомат мог только Стасик.

– Точно! – Пашка схватил со стола нож. – Эта падла белобрыся!

Сын токаря Стасик был первостатейным ворюгой и даже наш отец ему в этом завидовал. Сам-то он Стасика давно превзошел, но народная молва гремела о Стасике, отцовские же деяния обычно были покрыты мраком неизвестности.

– Нож положи, ты не Рябич людей пугать.

Ровесник Пашки Рябич часто пугал всех, что «зарезет». Либо сам, либо его отец, отсидевший три года за хулиганство буйный алкоголик.

– Я просто хотел его испугать, – смутился брат, положив нож обратно на стол.

– Ты что, хочешь чтобы нас в колонию отправили?

– Нет, – шарахнулся от меня Пашка, которого мать с детства пугала детдомом и колонией. – Не хочу.

– Тогда забудь о ножах.

– Но как мы заберем свои деньги?

– Пока не знаю, но что-нибудь придумаю.

– Ты уже автомат придумал, – сморщился Пашка, – все из-за твоих придумок, – опять завел он свою волюнку.

– Помолчи, думать мешаешь.

Обиженный Пашка замолчал и начал корчить рожи. Пришлось закрыть глаза, чтобы не отвлекаться. Выловить Ста-

сика было нелегко: после нашей ночной погони за ним¹ то-каренко стал осторожный, будто пугливый суслик возле норы и выглядывал из своей заваленной наворованным хламом комнаты-норки только чтобы что-нибудь у кого-нибудь стянуть.

– Допустим, мы его поймаем.

– Раз уже пытались, – пробурчал Пашка.

– Не перебивай, думать мешаешь. Поймаем мы его, но деньги же он с собой не носит?

– Не носит. Он их прячет, чтобы не отняли.

– Логично. Значит, нужно как-то заставить его принести нам деньги.

– Сказать, что зарежем.

– Хоре, договорились же, что ножом пугать не будем.

– Зря. Самое надежное средство.

– Да помолчи ты минуту! – я от досады хлопнул кулаком по столу. И тут меня осенило. – Придумал! Носокапки!

– Где? – Пашка пригнулся и начал встревоженно вертеть головой.

– Что? – не понял я.

– Ну эти, сносотапки.

– Не сносотапки, а носокапки. Носокапки! Понял?

Для Пашки путать незнакомые слова вроде этимологии и энтомологии было нормальным делом, так что я не удивился.

¹ См. рассказ «Видики»

– Нет... а что это?

– Ну... – я задумался, подбирая слова. – Мы закапаем ему в нос носокапки, и если он не принесет нам деньги, то помрет.

– Ух ты! – Пашка захолопал в ладоши от восторга. – А где мы их возьмем?

– Сделаем.

По правде сказать, идея носокапок пришла мне из залитой в ухо отца Гамлета белены из незадолго до этого прочитанного Шекспировского «Гамлета». Оставалось только ее слегка переиначить под наши условия и все, дело в шляпе! За основу носокапок была взята смесь камфары, которой мать умащивала вымя коров, и нашатырного спирта, где-то украденного отцом. Смесь залили в пузырек из-под какого-то ядохимиката, со зловещим черным черепом и перекрещенными костями на остатках этикетки. Пашка своим ровным почерком² написал на новой этикетке «Носокапки».

Три дня мы выслеживали белобрысого прохиндея. Наконец удача нам улыбнулась: мы поймали Стасика возле нового магазина. Пашка, прыгнув вперед как бешеный ягуар, сшиб тщедушного токаренка на землю.

– Отдай деньги!!! – брат тряс совершенно обалдевшего Стасика, как волк плюшевого зайца. – Отдай!!!

Голова белобрысого болталась, будто тряпка на сильном ветру.

² См. рассказ «История О»

– Поттише, – я положил руку брату на плечо. – Оторвешь ему башку раньше времени.

– Оторву! Я его за наши деньги! Ух!!!

– Какие деньги? – хрипло пропищал Стасик. – Я у вас ничего не брал.

– Ах ты! – Пашка широко замахнулся правой рукой и ударил. Стасик отдернул голову и кулак брата воткнулся в землю. – Аййй! – взревел Пашка, тряся ушибленной рукой.

– Не брал я ваши деньги, – воспользовался паузой белобрысый. – Вообще к вашему двору месяц не подходил.

«Он же не знает», – дошло до меня, – «что автомат – наша затея».

– Ты автомат спер? – спросил я.

– Какой? – попытался придуриться Стас, но бегающие снулые глазки выдали его с потрохами.

– Который в правлении газировку продавал. Ну?

– Ну... ну взял... А что? На нем не написано, что он ваш... Я подумал, не надо никому, вот и поставили в конторе... Я и забрал... Думал...

– Хватит! – остановил я поток нелепых оправданий. – Где он сейчас?

– Дома у меня, – блеснул глазами Стасик.

– А деньги из него?

– Какие деньги? – снова начал придуриваться быстро наглеющий Стасик. – Не брал я никакие деньги. Только автомат. Думал, что он не нужен никому...

Пришлось присесть и встряхнуть наглюгу за шиворот.

– Деньги из автомата где?

– Ну...

– Не нукай! – я встряхнул его еще разок. Так сильно, что у токаренка клацнули зубы. – Не запряг! Деньги где?

– Я отдам, – изобретательный воровской мозг уже видел путь к спасению. – Схожу домой и принесу. Вы тут будете?

– Мы с тобой пойдем, – набычился Пашка.

– Нельзя, – Стас с трудом спрятал ехидную улыбочку, – Ирка и Ленка дома.

Ирка и Ленка были старшими сестрами Стасика. Ленка на два года младше меня, а Ирка – на три. В любом случае, они бы рассказали родителям о нашем приходе, а от тех могло дойти до нашей матери. Лишние вопросы от матери нам были не к чему.

– Мы тебя возле двора подождем, – решил я.

– Пошлите, чего ждем? – нетерпеливо спросил Стасик и попытался встать с земли.

– Погодь, – я достал из висящей на плече полотняной сумки пузырек и отдал Пашке. Сам присел, крепко удерживая пленника. – Мы тебе, чтобы ты нас не обманул, носокапки зальем.

– Вот тебе! – Пашка покрутил перед глазами жертвы пузырек, особенно стараясь показать череп и кости.

– Если через двадцать минут не залить противоядие, то все, – объяснил я, – кранты, надуешь лапы.

– Вы чего?! – ошалел Стасик. – Совсем тронулись?! Я же помру! – заорал он.

Пришлось зажать ему рот ладонью.

– Помрешь, если попытаешься обмануть. Да не ори ты, падла! Паш, заливай!

Пашка, щедро разливая по лицу Стасика смесь, умудрился попасть извивающемуся как угорь воренку в ноздри.

– Давай в ухо еще, – тяжело дыша, предложил брат. – Для надежности.

– Хватит, – я отпустил токаренка и встал. – Все, время пошло.

– Фашисты проклятые! – Стасик вскочил и, размазывая по лицу липкую вонючую смесь, кинулся в сторону своего дома.

Мы, отдышавшись, пошли следом. Пока дошли до двора токаря, Стасик уже ждал, нетерпеливо приплясывая рядом с нашим автоматом.

– Капайте мне в нос, уроды! Я умру сейчас!

– Деньги все? – спросил Пашка.

– Не знаю! Я его не открывал! Капайте уже!

Я осмотрел автомат. С виду вроде целый.

– Хорошо, – я достал резиновую спринцовку с дистиллированной водой, применявшейся для приготовления электролита в аккумуляторы, и начал промывать Стасику нос. – На будущее знай, что если с нами свяжешься, то...

– То мы ночью залезем к вам, – кровожадно вклинился

Пашка, – и нальем тебе носокапок в ухо! Подохнешь!

– Хватит! Я больше не буду с вами связываться.

– Все, противоядие действует, – я спрятал спринцовку обратно в сумку. – Но помни...

Мы поволокли автомат к лесопосадке, а Стасик остался, бессильно грозя нам вслед кулаком и шепча проклятия. Во вскрытом автомате мы нашли тринадцать рублей и пятнадцать копеек... Отец еще неделю ночами метался по деревне в надежде поймать мифических менял. А всполошившаяся этим, по своей сути невинным, событием деревня стала ждать войны и люди скупили в магазине всю соль и спички.

Раки в укропе

– Дармоеды! – завершала пришедшая с работы мать. – Ужас что творится! Валяетесь тут, как сурки ленивые! Все в батю!

– А что мы сделали? – спросил я.

– В том то и дело, что ничего не сделали! – она рухнула на табурет за столом в прихожей. – На озере все просто кишит раками, люди ведрами носят, а вы дома валяетесь!

– Ты же запрещаешь ходить на озеро, – надулся Пашка.

– Просто ходить запрещаю, а если рыбу ловить или там раков, то милости просим! Сегодня же ночью идите за раками, лежни!

– А заборы? – не понял я.

Мы по ночам воровали деревенские заборы, чтобы готовить свиным.

– Заборы и завтра можно снять, они никуда не убегут, а раков выловят без вас, и ищи ветра в поле!

– Раки? – оживился за ужином отец. – Раки первое дело! Сваришь их с укропом, как грачат молодых и все, за уши не оттянешь.

– Вить, я хочу за раками их послать.

– Здравая мысль, – отец одним глотком всосал стакан крепкого чая. – Идите и наловите раков, дети мои. Они но-

чью по дну ползают, надо только посветить и поймать. Мы всегда с факелами ходили на раков.

– Вить, что ты говоришь? Они пожар устроят с факелами.

– Это да, – отец почесал голову. – Возьмите мой фонарик, разрешаю.

– Они не кусаются? – боязливо спросил Пашка.

– Нет, если только клешней ухватит, но это не больно, щекотно даже.

Ночью, вооружившись отцовским фонариком и его же советами, мы набрали полное ведро раков.

– Какие они противные, – брат задумчиво рассматривал добычу.

– Говорят, что они вкусные.

– Если с укропом отварить, – вспомнил отцовские наставления брат. – А если с луком, то невкусные?

– Не знаю, я их не ел – я подхватил ведро. – Пошли домой, а то самих комары сожрут.

– Давай поставим в спальне, – предложил дома Пашка.

– Зачем?

– Мамка с батей утром проснутся и обрадуются, что мы много наловили.

– Давай, но в ведре нельзя, в него корову доят. Давай в тазу.

Мы переложили раков в большой жестяной таз и поставили на полу возле родительской кровати.

Утром, зевающий и продирающий глаза отец, вставая

с кровати, стал в таз. Вот крику-то было!

– Убью, уроды!!!

– Батю рак укусил! – закричал Пашка.

– Они же не кусаются?

– Значит...

– Уроды!!! – отец топотал из спальни.

Мы, вскочив с кроватей, в страхе бежали из дома, а вслед нам летели раки и отцовские проклятия.

Сапоги мертвеца

– Владик, ты что, завшиветь хочешь? – спросила мать. –

Сходи, почисти навоз.

– А какая связь? – Пашка вытащил свой верный ежедневник и помусолил карандаш.

– А связи никакой, – развела руками мать, – просто навоз надо чистить кому-то. Иди и чисти, – пнула меня ногой. – Язвенник проклятый!

– У Влада язва? – оживился Пашка.

– Пока нет, но со временем...

– Доброе утро, горбатый герой, – отец с песней вошел в прихожую, – здравствуй, горбатый герой. Возвращение дяди Васи, – он растопырил руки, как горилла.

– Сыскался! – мать всплеснула руками. – Явилось горе наше, не запылилось!

– Хорошо живем, – отец уселся на табурет, – борщ есть и котлеты на второе.

– Вить, ты чего? – мать с подозрением принялась.

– Раньше сапоги с мертвых снимали, – разглагольствуя, отец достал из сумки сапоги и водрузил их на стол.

– Это как? – Пашка был от рождения любопытен.

– А вот так: шлепнули тебя, – отец сложил два пальца и ткнул ими в лоб Пашке, – и все, сапоги твои забрали.

– У меня нет сапог.

– Может поэтому, – посмотрел на нас задумчиво, – вы пока и живы, что у вас сапог нет. У немцев сапоги были удобные: кожа, широкие и с подковками – чечетку танцевать можно, а тут – какие пришлись. Но ничего, если начистить как зеркало, то можно будет выходить в люди, как Максим Горький.

– Бери сапоги батины и иди чисти хлев, – прервала демагогию мать.

– Это большая честь, – важно заявил Пашка.

– А ты, – мать ловко отвесила Пашке оплеуху, – иди за ним и записывай. Будешь как фронтовой корреспондент. Хроника пикирующего бомбардировщика, все дела. А ты, Витя, про сапоги мне расскажешь...

– А сапоги? – спросил я.

– Сапожник завсегда без сапог, а директору без сапог нельзя, – отец подтянул сапоги к себе. – Горбатые не терпят суеты.

– Иди без сапог, – мать дернула меня за плечо, – трудности закаляют характер.

– Пап, а ты у кого их спер? – спросил Пашка.

– Почему сразу спер? Мог же и купить...

– За какие шиши ты их купил? – подозрительно прищурилась мать.

– Ну, не купил... Все равно...

– Откуда сапоги, Вить? Ты не юли, скажи нам.

– В общем, заезжал я к Нинке. Смотрю, в коридоре сапоги

стоят. Ну я их и того.

– Ворюга ты, Витя!

– Не своруешь, где возьмешь? – отец пожал широкими плечами.

– Нинка твоя клуша еще та, сидит в своей общажной пердильне безвылазно, но может же и догадаться, что ты сапоги увел.

Старшая сестра отца тетя Нина Свечкина с дочкой Лариской жили в Клиновске, в общежитии карандашной фабрики, с общей чадной кухней, где было не пройти от изрезанных столов и колченогих стульев, и одним туалетом и умывальником на весь этаж. У них было две с половиной комнаты. То есть их комната и комната покойного мужа – Васи, с которым тетя Нина разошлась незадолго до его смерти. Комнаты были расположены напротив друг друга, в конце коридора, поэтому они выгородили пространство между комнат и поставили дверь. Там стол обеденный и холодильник, типа импровизированной столовой. Почему-то это помещение они называли куркурятником. А перед этой дверью, с внешней стороны коридора, стоял большой и тяжелый деревянный ящик с двумя навесными замками для хранения картошки.

– Не догадается она, – без особой уверенности ответил отец. – Вот про сковородку может и дотумкать...

– Какую еще сковородку? – испуганно спросила мать.

– На кухне чья-то сковородка стояла... – отец вытащил

из сумки сковороду и поставил на стол, – почти новая. Не пропадать же добру?

– Ты совсем тронулся?! Хватаешь, как сорока, все, что плохо лежит!

– А что они? Трудовому человеку! Борща! Нет, не допустим! – он грохнул кулаком по столу.

– Опять нажрался, – понимающе вздохнула мать.

– Почему сразу нажрался? Пива выпил с Филипповичем в буфете заводском.

– Пива? Там пивом не пахнет!

– Директор работает не только головой, но и печенью! Пиво без водки – деньги на ветер. Имею право! Я секретный космонавт! А они? Борща! Я не позволю! Ах, самарский макарон, виноватая я, виноватая я, ну а Мюллер – свинья, – запел отец.

– Вить, у тебя белочка! Какой ты космонавт?!

– Секретный! Мне может даже орден дадут!

– Секретный орден? – уточнил Пашка.

– Нет, орден не секретный, – мечтательно сказал отец, – перед всем Политбюро вручат.

– В дурке тебя вместе с Наполеоном положат. Галстук надел! Еще бы очки нацепил, падла!

В дверь деликатно постучали. Она приоткрылась, в прихожую заглянул наш сосед Колька Лобан, бывший тогда у отца шофером.

– Здравствуйте, Егоровна. Здравствуйте, хлопцы. Влади-

мирыч, куда крышку девать?

– Какую еще крышку? – тихо спросила мать.

– Это... – потупился Лобан, – самое... того... этого...

От гроба.

– Ка-ка-ка-ко-го г-г-г-роба? – начала заикаться мать.

– Ну, – Лобан смущенно мял кепку, – Владимирыч...

– Витя, – громко прошептала мать, – ты с покойника сапоги снял?

– Почему сразу снял? – отец обиженно отвернулся к окну. – Почему сразу с покойника?

– Так что с крышкой делать? – напомнил о себе сосед.

– Поставь на веранде, – решился отец.

– Не вздумай! – взревела мать. – Горбатые угодники!!! Со всем с ума посходили, падлы купоросные!!! Вить, у меня уже с вами обморочное состояние!

– А у меня прединфарктное! – парировал отец.

– А я что? – Колька втянул голову в плечи. – Владимирыч сказал.

– Своей головы у тебя нет? Если Владимирыч скажет с крыши прыгать, будешь прыгать?

– Ну, он же директор, надо прыгать.

– Я власть! – отец потряс кулаком. – Все прыгнете! Я им не позволю! Гробы, понимаешь, эти ставить! Вот! – показал в потолок дулю.

– Витя, ты меня саму скоро в гроб загонишь. Зачем тебе крышка?

– Младшой в ней будет спать, – подумав, объяснил отец. –

Не так холодно, как на полу.

– Придурок ты, Витя! Дундук!

– Так я пойду? – напомнил о себе Лобан.

– Иди, Коля, и хорошо подумай над своим поведением, – мать чопорно поджала губы.

– А я что? – сосед попятился. – Владимирыч сказал, а я...

– Коля, уйди с глаз моих долой! Витя, а ты не думай, что легко отделаешься!

– Сама же говоришь, что если ниточку вокруг пальца можно обернуть, то ее выбрасывать нельзя.

– Так-то ниточка, а тут натуральный гроб.

– А степная трава пахнет порохом, – заголосил отец и, прихватив сапоги, ушел в спальню.

– А батю скоро в дурку заберут? – спросил Пашка.

– Вас всех троих туда заберут, у вас тоже с мозгами того, – мать покрутила пальцем у виска. – Вы тут все с приветом.

– А там хорошо кормят?

– Я откуда знаю? Что ты лезешь со своими дурацкими вопросами? Спроси у своего приятеля Моргуненка, у него папаша там лечится. Идите, крышку спрячьте, чтобы она глаза нормальным людям не мозолила.

– Куда? – спросил я.

– Куда угодно, лишь бы я об нее не спотыкалась.

Мы отнесли крышку на погреб и спрятали в зарослях малины.

– Один удар по голове, – вспомнил Пашка фразу отца и стукнул меня по голове, – второй по крышке гроба! – пнул крышку и дико захохотал.

– Потише ты, вся деревня слышит.

– Думаешь, в ней удобно спать?

– Не знаю, там же доски, – я пощупал крышку, – жестко.

– А если постелить тряпку?

– Правда хочешь в гробу спать?

– А что? Буду как Ленин.

– Попробуй.

Мы взяли украденную простыню, постелили под нее сена и Пашка, закрыв глаза, улегся в крышку, сложив на животе руки.

– Ну как я?

– Ну...

– А что это вы тут делаете? – из сада выбрался лучший Пашкин друг Шурик Моргуnenок.

– Вот... – ответил я.

– Пашка помер? – Шурик схватился за висевшую на рубашке октябрятскую звездочку и попятился.

– Ну...

– Помер!!! – Шурик кинулся бежать.

– Хорошо пошутили, – брат открыл глаза. – Бате понравится.

– Наверно. А вот мамке нет.

Бегущий домой Моргуnenок встретил жену Лобана –

Нинку.

– Тетя Нина, Пашка Костромин помер!

– Давно пора, – пробурчала соседка. – От костромят одни беспокойства и шум. Когда, гоаворишь, похороны?

– Не знаю.

– Ладно, беги, порадуй мамку.

Лобаниха еще с Пеклихлебов была дружна с тетей Ниной Свечкиной. Она кинулась в дом, заказала межгород и скорбным голосом сообщила о смерти племянника. Свечкина позвонила нам. Мать взяла трубку.

– Слушаю, – она всегда относилась к телефону настороженно.

– Ой, Валь, это ты?

– Да, я, Нин. Что ты хотела? – подозревая, что звонок вызван отцовской кражей, осторожно спросила мать.

– Ой, какое горе, горе какое!!! Как же вы там?

– Нормально... А что стряслось?

– Горе какое, какое горе! Еще мамка не знает.

– Вот же клуша, – в сторону сказала мать, а в трубку спросила:

– Что случилось-то?

– Павлик-то, Павлуша наш! Кровиночка! Ой, Господи, что делать то?

– А что делать?

– Хоронить, Валь, хоронить. Что тут теперь сделаешь?

– От кого хоронить? Зачем?

– В землю, Валь, ой, не могу! – Свечкина зарыдала в голос, работая на публику – стоящих в коридоре общежития соседей.

– Нин, у вас в роду все психические? – строго спросила мать.

– Валь, я тебя понимаю, у тебя шок. Я не обижаюсь, поверь. Так когда похороны?

– Чьи?

– Пашкины.

– Нин, как проспидься, так и звони! – мать грохнула трубкой об аппарат. – Больная! Вся в брата!

Телефон снова затрезвонил. Мать осторожно подняла трубку.

– Слушаю.

– Тять Валь, это я, Лариска. Теть Валь, я вам сочувствую.

– Ларис, себе посочувствуй – тебе лечиться надо, вместе с твоей мамашей.

В трубке пошептались.

– Теть Валь, мы понимаем, вы сейчас не соображаете ничего.

– Ларис, что тебе надо?

– Когда похороны?

Мать закатила глаза и устало вздохнула.

– Чьи?

– Пашкины.

– Это Витька такую дичь сочинил?

– Нет, у нас его давно не было. Это Лобаниха позвонила и сказала.

– Нинка кошкодавница еще та, нашли, кому верить. Жив Пашка, что б ему пусто было! Жрет, как пылесос.

– Да?.. – в трубке снова озадаченно зашептались. – А его можно услышать?

– Носится где-то, паразит припадочный. Где я его ловить буду?

Трубка зашепталась.

– А вы не могли бы позвонить, когда он придет?

– Нет, не могу! – отрезала бережливая мать. – У нас денег нет, межгород из-за всякой ерунды заказывать. Скажи спасибо дяде Вите, он все спускает на учебу. У вас все?

– Ну...

– У вас что нового? – внезапно вспомнила она о хороших манерах.

– А у нас-то, у нас! Вы не поверите! К мамке мастер пришел с фабрики, а у него сапоги сперли!

– Какой ужас.

– И не говорите! А еще соседа хоронили, а кто-то крышку с гроба упер.

– Это как?

– Она в коридоре стояла, в комнате места не было.

– У вас там сплошь сумасшедшие какие-то, – мать покосилась в сторону спальни. – А вы еще всяких дур вроде Лобанихи слушаете.

– Пашка точно живой? – трубку взяла тетя Нина.

– Живой, Нин, не дождетесь. – Раздался звонок от калитки. – Ладно, мне пора, кого-то черти принесли.

Мать вышла из дома, прохрустела шлаком по дорожке, отперла калитку. За ней стояли Лобаниха и Моргуниха в черных платках.

– Ой, Валь! – Лобаниха кинулась опешившей матери на шею и начала рыдать, пропитывая слезами блузку. – Что делать?

– Держись, Егоровна, – вставила Моргуниха, – надо крепиться.

– Эпидемия просто, – задумчиво сказала мать.

– Это заразно? – соседка отпрянула.

– Судя по всему – да. Медицине подобные случаи известны.

– Ой, что делается, – плакальщицы попяtilись.

– Нин, а с чего ты взяла, что Павел умер?

– Ну так как же? – Лобаниха посмотрела на Моргуниху. – Саша же сказал, он сам видел.

– Саша скоро к своему папе отправится, в соседнюю палату, – отрезала мать. – Павел здоров и прошу прекратить слухи распространять. А иначе... – сделала значительное лицо и показала пальцем в небо, – Виктор Владимирович сообщит куда следует.

– Всем хоботы посверну! – отец услышал сквозь открытое окно непонятный разговор и на всякий случай напомнил

о себе. – Возвращение коленвала!

– Мы пойдем? – испуганно спросила Лобаниха.

– Идите и подумайте над своим поведением, – мать чопорно поджала губы и захлопнула калитку.

Горбатого могила исправит

– Нам нужен горбатый, – Пашка вылез из крышки гроба.

– Зачем?

– Мамка же говорит, что горбатого только могила исправит. Так?

– Ну.

– А если просто в гробу полежать? Поможет?

– Я откуда знаю? – я пожал плечами. – И это не целый гроб, а только крышка.

– Все равно, надо проверить.

Я задумался. Горбатых в деревне не было, но любопытство уже засунуло когти в мой мозг.

– А если не горбатого?

– А кого?

– Заику можно.

– Кто у нас заика?

– Не знаю.

Мы молча смотрели друг на друга.

– А если дурачка?

– Это тебя что ли? – я рассмеялся.

– Красотьевича можно.

Красотьевич был погорельцем и жил вместе со свиньей Муськой в самодельной хижине на «старой» деревне.

– Красотьевич просто погорелец, а так не дурак.

– Точно?

– Точно. Он когда сторожем на ферме работал, то теленка украл. А когда ток сторожил, то зерно продавал.

– Не дурак, – согласно кивнул Пашка. – А если Васю Пепу?

Пепа был старше меня, ростом повыше, но по уму отставал даже от Пашки и его друзей. Единственной отрадой в его жизни были птичьи яйца. Он не мог пройти мимо гнезда. Ловко как обезьяна залезал на любое дерево и прямо там выпивал яйцо, посыпая солью и заедая черствым хлебом. Уж сколько его гоняли мужики, а все равно. Выйдет, оглянется, что нет никого и юрк на дерево! Только пустая скорлупа вниз сыпется.

– Идея, – я задумчиво потрепал брата по волосам, – но как его заманить?

– Яиц пообещаем.

– Где мы яйца возьмем?

– В ящике.

Мать собирала яйца в посылочные ящики под креслом в прихожей, чтобы потом подложить под квакух-наседок.

– Егоровна нас удавит.

– Это да.

– Сигарет можно предложить, – осенило меня. – Вася курит, а ему бабка денег на сигареты не дает.

– Сигареты где возьмем?

– Пока батя пьяный, можно стянуть.

– Побьет, если поймает.

– Риска меньше, чем если Егоровна с яйцами поймает.

– Так оно да.

Мы крадучись вошли в дом. На кухне громко хохотала мать.

– Свихнулась? – Пашка покрутил пальцем у виска. – Ку-ку?

– Мало ли, – прошептал я, – может прикидывается.

Стали красться к спальне.

– Вы чего? – раздался за спиной голос матери. – Украсть что-то задумали, падлы купоросные?

– Да мы, – пропищал Пашка, – того.

– Чего?

– В комнату к себе шли, – обернулся я.

– Правда? – стоящая в дверях кухни мать подозрительно прищурилась. – Вроде как в зал шли?

– Нет, к себе.

– А чего к себе? Свиньям сварили, коров встретили?

– Мы это, – лихорадочно придумывал я, – хотели книгу взять.

– Какую? – подозрительности матери позавидовал бы иной штурмбанфюрер СС.

– Эту... – я задумался. Ошибка могла дорого стоить, – «Записки натуралиста».

– Зачем?

– Ну, это...

– Птицы, – сказал Пашка.

– Что птицы?

– Как их варить, – Пашка снял кепку и вытер вспотевший лоб.

– У вас есть птицы? – не поняла мать.

– Вдруг поймаем, – брат широко улыбнулся, – и чтобы тебе правильно приготовить, – преданно уставился на мать.

Она задумалась, глядя на нас и поигрывая в руках привезенной отцом сковородкой.

– Мы пойдем? – осторожно спросил я.

– Куда?

– Корову же встретить надо.

– Идите... дети, – опустила сковороду. – А вы знаете, Свечкины думают, что Пашка помер...

– Все там будем, – я развел руками.

– Дуры, ха-ха-ха, – откинув сковородку, засмеялась мать. – Думали, приедут на похороны с пустыми руками – погулять на дармовщинку.

– Клуши, – согласился Пашка.

– Ты молод еще, – одернула мать, – родную тетку клушей называть. Идите, куда шли.

Мы прошли в свою комнату, мать ушла хохотать на кухню.

– Как мы сигареты сопрем? – прошептал Пашка.

– Сейчас, – я выглянул в прихожую. Матери не было видно. – Я в спальню.

Проскользнул в зал, оттуда в спальню. Отец величаво раз-

валился на кровати, положив на груди партбилет. Я осторожно ощупал боковой карман пиджака, вытащил сигареты.

– Кто здесь? – вскинулся отец.

– Я это, Влад. Мамка просила спросить – суп греть?

– Скажи, он мне в тюрьме надоел, – повернулся на бок и захрапел.

Я поспешно выскочил из спальни.

– Что ты там делал? – в зале стояла мать.

– Батя звал.

– Почему я не слышала?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Что ему надо, паразиту?

– Сказал, суп в тюрьме надоел.

– Белочка у падлы, – задумчиво сказала мать, – бредит среди бела дня.

– Уже вечер, – выглянул из двери Пашка.

– Больно умный? – развернувшись, мать ловко пнула его в живот. – Покалечу, купоросник! Коклюш на твою голову и сухотка в придачу! Так что батя сказал? – пристально смотрела на меня.

– Что суп в тюрьме надоел, – я боязливо попятился.

– Зажрался, урод. Давно капустного супа с лындиками не ел. Ладно.

– Плащ пропал, – заблажил из спальни отец.

– Вить, какой еще плащ?

– Как какой? Синий, габардиновый.

– Окстись, Господь с тобой! У тебя сроду такого плаща никогда не было.

– Как не было?

– Так и не было.

– Так он мне приснился?

– Да.

– Тогда ладно.

– Ты, Витя, дегенерат натуральный. Спи, ирод. Ты куда шел? – смотрела на меня.

– Свињьям варить.

– Еще не сварили? – нахмурилась.

– Варим.

– Иди, нечего тут подслушивать.

Я выскочил из ловушки зала, подхватив согнувшегося в прихожей брата. Вышли на улицу, сели у костра варить свињьям.

– Взял?

– Угу, – я украдкой показал вытащенные сигареты, – хорошо, что успел за пазуху их засунуть, а то бы попался.

– Батя не хватится?

– Он пьяный, ничего не будет помнить.

– А Пепе хватит?

– Должно хватить, тут почти полная пачка.

Между тем, в куркурятнике шло совещание.

– Валька что-то крутит, – уверенно заявила старшая Свеч-

кина, – она хитрая, синтепонщица еще та.

– Она может, – Лариске не раз перепадало от нашей матери. – Что будем делать?

– Звякну-ка я еще разок Лакизе (девичья фамилия Лобанихи), – тетя Нина пошла к телефону и заказала межгород. – Нин, это опять я. Что там у вас творится? Я Вальке позвонила, она говорит, все нормально.

– Сходили мы с Танькой Моргунихой к Егоровне. Ты не поверишь, она пьяная валяется, еле встала.

– Как пьяная? – оторопела Свечкина. – А Витька где?

– Владимировича нет, – на ходу сочиняла Лобаниха, – а у Егоровны весь дом голый, ни матрасика, ни простынки.

– А Пашка?

– Пашка умер, а хоронить не хотят, – очень натурально всхлипнула соседка. – Ты же знаешь, Егоровна жадная.

– Это да.

– Я понимаю, он шкода был, всех допек, но нельзя же так? Не по божески, не хоронить-то. Да?

– Жди, мы завтра приедем и разберемся.

Васю мы встретили, когда шли встречать скот.

– Вась, ты сигарет хочешь? – спросил я.

– А есть? – Пепа привычно поддернул черные сатиновые трусы длиной до колена. – Давай.

– Есть, но тут такое дело...

– Какое?

– Мы опыт решили провести.

– Какой?

– Такой! – вступил Пашка. – Научный!

– Фига, – Пепа уважительно посмотрел на нас, – опыт! А я что? Я неграмотный.

– Надо будет в одном месте полежать, – уклончиво сказал Пашка. – Согласен?

– Полежать, да? – Пепа поочередно смотрел на нас.

– Угу, – кивнул я.

– В одном месте?

– Угу.

– За сигареты?

– Ну.

– Бить не будут? – Вася прищурился.

– Нет, – твердо сказал Пашка.

– За что тебя бить? – успокоил я. – Ты же ничего делать не будешь, просто лежать.

– А лежачего не бьют, – покивал Пепа.

– Ну, полежишь недолго и все.

– Недолго? – Вася не мог понять, в чем подвох.

– Совсем чуть-чуть.

– Ладно, куда приходиться и когда?

Я посмотрел на Пашку.

– Давай завтра утром к нашему погребу, – решил брат. – Только чтобы родители не видели.

– Само собой, будь спок, – Пепа с достоинством нахлобу-

чил картуз поглубже и пошел по своим делам.

Возле бревен, где ждали скот, встретили Шурика.

– Ты живой? – удивился он и, сорвав свой знаменитый кепарик, шлепнул его об асфальт.

– Живой, только кашляю, – закивал Пашка.

– А я думал...

– Не ори, – брат прервал друга, – дело есть.

В саду была недокопанная нами землянка с подземным аппендиксом метра два. Когда в ней едва не засыпало Пончика, мы копать ее бросили, но теперь было решено подготовить из нее «лечебную могилу» для Пепы.

Назавтра была суббота. Отец достал сапоги из-под подушки и встряхнул, проверяя, нет ли чего внутри.

– А чего ты их трясешь? – спросил Пашка.

– Проверяю, не нагадил ли кто.

– А кто в них может под подушкой нагадить?

– Мало ли... – загадочно посмотрел на нас папаша, – пигмеи всякие. Медицине подобные случаи известны.

– Вить, не глуми детям голову.

– Я их тут учу, как Костромило Мудрый.

– Форменный дегенерат, – мать плюнула на пол и ушла жарить на новой сковородке блины.

Пашка украдкой выскользнул из дома.

Раздался звонок в калитку.

– СтаршОй, сходи, посмотри, кого нам гидра контррево-

люции принесла с утра пораньше.

– Думаешь, это гидра?

– Конечно, трудовой народ седьмой сон видит после трудовой рабочей недели, шлятся только контры и гидры.

Я вышел, открыл калитку. За забором ждала целая делегация: обе Свечкины (старшая и младшая), бабушка Дуня (мать отца), Лобаниха, Лобан и лобанята (Вовка и Верка).

– Веди, – строго сказала мне бабушка.

– Коль, мы тут подождем, – Лобаниха придержала Лобана за рукав, не рискуя попасть нашей матери под горячую руку, когда та узнает про вчерашние выдумки.

– Витя, за сковородой идут! – увидев из кухонного окна делегацию, мать заметалась, как испуганный заяц-русак, не зная, куда деть горячую сковородку.

– Кто идет? – отец вышел, красуясь в сапогах.

– Бабка Дуня со Свечкиными приехали!

– Твою мать! Как же узнали? – он упал на табурет, срывая сапоги. – Теперь может произойти катастрофа или катаклизм! Ты чего носишься, как голый в бане?

– Сковородку куда прятать?

– Кинь в кладовку на полку.

– Не загорится?

– Нет! – швырнул сапоги под кресло.

Мать выскочила на веранду и швырнула сковородку в чулан. На веранду вошли гости.

– Здравствуйте, Евдокия Никифоровна, – залезезила

мать, – здравствуй, Нина, Лариса, здравствуй. Не ждали вас.

– Оно и видно, что не ждали, – сурово ответила бабушка. –

Витька где?

– Завтракает.

– А Пашка?

– Влад, где Пашка? – мать уставилась на меня.

– Ну... это... был тут...

– Не мямли! Где брат?

– В саду, вроде.

– Позови!

– Валь, не надо, – остановила бабушка, – мы сами ходим и посмотрим.

– Сами, сами, – закивали Свечкины.

– Идите, – чувствовалось, что мать с трудом сдерживается, чтобы не добавить «падлы». – Влад, проводи дорогих гостей.

Я нехотя вышел с веранды и повел их в сад.

– Паш, – позвал, надеясь предупредить брата, – тут к тебе...

Рука тети Нины зажала мне рот.

– Тихо, – по-змеиному прошептала тетка.

Пролезли сквозь жерди изгороди, обошли заросли малины.

– Вон, – указала Лариска на Пашку, Шурика и двух юных шалопаев: Башкиренка и Рябича, сгрудившихся вокруг ямы. Рядом были воткнуты две лопаты.

– Живой? – громко спросила тетя Нина, подойдя к компании.

– Кто? – Пашка, вздрогнув, обернулся, глаза его заматались за толстыми стеклами очков.

– Ты.

– Ну... – брат старался стать так, чтобы скрыть яму, но не получалось.

– А что это вы тут делаете? – Лариска всегда отличалась ехидством.

– Мы... – Моргуnenок беспомощно оглянулся на друзей, – червей копаем...

Все взгляды скрестились на яме.

– В такой яме? – не поверила сестра.

– Выпустите меня! – глухо донеслось из-под земли. – Хватит!

– Что это? – тетя Нина перекрестилась.

– Это?.. – Пашка оглянулся на яму. – Это на дороге кричат.

– Хватит! – снова донесся голос, и комья свежей земли в яме зашевелились.

– Свят, свят, свят! – тетка, крестясь, попятилась.

Лариска хлопнулась в обморок. Бабушка сжала губы и шагнула к яме. Приятели, переглянувшись, ринулись наутек, бросив Пашку. Пашка попятился и упал в яму, вызвав сдавленные ругательства придавленного Пепы. Падение обрушило на Васю еще один пласт земли. Я кинулся вытаски-

вать брата:

– Руку давай! – выволок его из ямы. – Вася там?

– Он, мы его слегка землей забросали.

– Вась, ты живой там? – я повысил голос.

– Выпустите меня! Мне не надо сигарет!

– Какие еще сигареты? – тетя Нина перестала креститься и цепко ухватила меня за шиворот.

Пашка, словно испугнутая в овсах куропатка, кинулся бежать в сторону карьера.

– Не знаю, я откуда знаю?

– Вы чего орете? – незаметно возникла мать.

– Васю Пепу землей засыпало, – мрачно объяснил я.

– Как он туда попал? – изумилась мать.

– Ну... – попытался незаметно вырваться, но Свечкина, бывшая трактористка, держала крепко.

– Они еще и курят, – с готовностью заложила тетя.

– Курят?! – увесистый кулак матери врезался мне в левый глаз, выбив из него искры и слезы.

Я повис на руке тети.

– Падлы! – сапог матери прилетел в живот. Я согнулся. – Курят они! Ты подумай!

– Бестолочь! – тетка отвесила мне тяжелую оплеуху. – Родителей позоришь!

– Нин, дай я его разорву!!! – мать вцепилась в мою рубаху.

Старая отцовская рубашка не выдержала двойного напора и лопнула. Я рванулся из лоскутов и кинулся бежать за бра-

том. Мать схватила лопату. Разбрасывая землю, в яме поднялся грязный как черт Вася Пепа.

– Падла! – прокричала мать, переломав об его голову черенок лопаты.

Дома мы не ночевали два дня, пока гнев матери не утих. Хорошо, что в грязи гости не увидели крышки гроба, иначе бы нас точно похоронили.

Яблочная лихорадка

– Страна живет в эпоху великих перемен, – самозабвенно токовал папаша, успевший в субботнее утро разбавить молдавский коньяк чаем, – хозрасчет, перестройка, гласность. Вам понятно? – посмотрел на нас.

– Угу, – отозвался я.

Пашка зевнул.

– МладшОй, тебе не интересно?

– Почему не интересно? – испугался Пашка. – Очень интересно! Очень! – выхватил ежедневник за 1986 год и приготовил карандаш.

– Почему ты тогда зеваешь?

– Спать хочу.

– А ночью чем занимался?

– Заборы воровали.

– И как улов?

– Четыре пролета унесли, – доложил я.

– Молодцы, все в меня. Так вот, продолжим. Гласность, ускорение, хозрасчет. Хозрасчет, это когда деньги сами зарабатывают. Записал?

– Нет еще, – пропыхтел брат.

– Ты поторопись, умные мысли ждать не станут. Ты это, того, поспедай. Потом издашь мои речи, – папаша приосанился, как породистый голубь перед голубкой с сельской по-

мойки, – денежку заработаешь. Так говорил Костромин, – показал рукой, будто вынимает слова из воздуха. – Золотое тиснение, кожа, обрез...

– Вить, у тебя язык без костей, – ехидно сказала из кухни мать. – Если б хоть часть твоих высказываний сбывалась, ты бы давно уже был министром.

– Дай срок – стану министром, – задорно подмигнул нам.

– Ты же брешешь как сивый мерин, какой из тебя министр?

– Я может это, – он покрутил пальцем, – даже выше стану. Членом Политбюро стану! – хлопнул по столу ладонью.

– Трепло.

– Сама ты трепло! – обидевшись, вскочил, схватил с лосяных рогов любимую коричневую шляпу. – Я на работу! – хлопнул дверью.

Мы с Пашкой вышли следом.

– Нам бы тоже хорошо какой-нибудь, – брат заглянул в книжку, – хузочет провести.

– Зачем?

– Денег заработаем, – мечтательно вздохнул Пашка.

– Ты уже хотел простыни продавать и что?..

– То простыни, а то хузочет. Понимать надо, – совсем поотцовски принял важную позу, – текущий момент.

– Ты тоже трепло, вроде бати.

– Сам ты трепло! Вот ты ничего придумать не можешь, а я могу!

– Могу я придумать, – без особой уверенности возразил я.

– Не можешь!

– Мы с Пончиком почки продавали.

– Это давно было. Ты что-нибудь новое придумай.

Я молчал.

– Не можешь, не можешь!!! – брат, размахивая руками, начал скакать по двору, распугивая разомлевших от жары кур. – Не можешь, не можешь!!!

Петух Петроний, посмотрев, начал прыгать рядом, так же вскидывая крылья. Безымянный белый петух, вздохнув, нехотя присоединился к пляскам. Индюки, выстроились в ряд вдоль забора и осуждающе кричали, возмущенные падением нравов. На шум выглянула мать.

– Павел! – рявкнула она. – Хватит пыль гонять!

Петухи сделали вид, будто их тут не было, и прыснули в стороны, Пашка замер посреди прыжка, индюки смущенно замолкли и степенно отошли.

– Не следишь за братом, – укорила меня мать, – совсем не следишь.

– Я слежу.

– Чего он тогда скачет, как козел?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Павел, ты чего зикаешь, как козлина?

– Я это... – глаза заметались за стеклами очков, – для здоровья.

– Для здоровья надо яблоки есть, а вы не едите, – осуж-

дающе покачала головой. – Все нам с батюшкой приходится да коровам есть, а вам в нос не влипают.

– Я уже не могу их есть, – мрачно сказал я.

Яблоки уже не лезли в рот, от них надувался и бурчал живот, но экономная мать, волнуясь, что столько яблок пропадает, заставляла есть их едва ли не силой.

– Надо, Федя, надо. Ты думаешь, партизаны – подпольщики хотели есть хлеб из мякины? Ты думаешь, бабушка ваша, покойница, хотела лебеду есть? А ведь ела! Еще и нас кормила, земля ей пухом! И вы будете жрать, иначе удавлю, дармоеды! – потрясла кулаком перед моим носом.

– Будем, – понурился я, – куда мы денемся?

– Он еще пререкается! – не глядя, нащупала на полочке для обуви старый ботинок и швырнула в меня.

Я был научен горьким опытом – ловко увернулся и проскочил в калитку – под защиту забора. И не зря. Второй ботинок заставил забор вздрогнуть.

– Только попробуй яблоки не поесть! – прокричала мать. – И ботинки на место положи, – скрылась в доме.

– А по мне не кинулась, – дурашливо высунул язык Пашка.

– Невелика заслуга. Хорош кривляться, слушай, что я придумал.

– Что? – брат подбежал. – Деньги будут?

– Не знаю насчет денег, но что яблок придется есть меньше – это я тебе гарантирую.

– Яблоки не надо есть? – заинтересовался Пашка. – Как? – выхватил свой ежедневник, готовясь записывать.

– Слушай, – я вкратце пересказал рассказ Джека Лондона с «яичной аферой».

– А мы тут при чем? У нас же яиц нет?..

– У нас есть яблоки, а сделаем мы вот что: ты расскажешь своим друзьям – шалопаям...

– Кому? – перебил Пашка.

– Шурику, Рябичу и Башкиренку, что кто-то покупает яблоки.

– Дорого?

– Само собой. Вот ты им расскажешь, что кто-то дорого покупает яблоки и они начнут искать яблоки на продажу. А мы будем продавать им яблоки дешево.

– Ты что, дурак? – Пашка покрутил пальцем у виска. – Зачем нам продавать им дешево, если мы можем продать дорого?

– Затем, – терпеливо начал я, – что никто их не покупает, а мы продадим.

– А если мне не поверят?

– Скажешь, что видел объявление.

– Где?

– На заготконторе, – на ходу придумывал я.

– Там есть объявление?

– Будет! – план обретал все более четкие очертания. – Объявление я беру на себя. Только ты не в лоб говори, а де-

ликатно, вроде как невзначай. Понял?

– Деликатесно, невзрачай, – послушно прочитал Пашка. – Так?

– Так, – вздохнул я, – примерно так.

Мы разошлись. Пашка отправился на поиски приятелей, а я устремил кормящие ноги в правление. Отец мирно сидел в кабинете, закинув ноги на стол и полулежа в кресле и был занят важным делом: плевал из трубочки жеванной бумагой по мухам, лениво ползающим по потолку.

– Почему без стука? – вскинулся он. – А, это ты... Чего приперся? Не видишь что ли, что я работаю?

– Вижу.

– Чего тогда пришел? Мешать? Я тут, между прочим, не груши околачиваю, как некоторые, а глобальные проблемы решаю. Мирового, можно сказать, уровня. Так что тебе?

– Я хотел...

– Погоди, хотел ты. Рано тебе еще хотеть.

– Можно?..

– Можно Машку за ляжку и козу на возу.

– Я на машинке попечатаю?..

В предбаннике перед кабинетом было что-то вроде каморки секретаря. За столом стояла старенькая печатная машинка.

– Зачем тебе?

– Интересно же.

– Интересно ему, – отец с осуждением покачал головой, –

мне вот интересны фильмы про кишлаки. Есть в них что-то, понимаешь, доброе...

– Так я попробую?..

– Долби, только дверь закрой, чтобы не мешать мне думать.

Я закрыл дверь в кабинет, уселся на секретарское место. В машинку были заправлены три листа бумаги с проложенной между ними копиркой. Быстро настучал двумя пальцами текст: «Объявление. В ближайшие дни будет производиться закупка яблок у населения. Дорого» Подумал и добавил: «Потребсоюз» – так солиднее выглядело. Прокрутил лист и ниже набрал точно такое же. Вытащил листы, по линейке разорвал пополам. Вот и шесть объявлений. Прихватил из стола коробку кнопок. Первое приколол на двери правления, второе на двери почты. Третье украсило дверь АТС. Четвертое – дверь клуба. Пятое закрепил на двери дощатого здания: старого магазина и заготовительной конторы. Последнее оказалось на двери нового магазина.

Довольный и с гудящими от бега ногами вернулся домой. Пашка с вороватым видом сидел на лавке напротив веранды.

– Ты где ходишь? – кинулся ко мне. – Там правда яблоки покупают.

– Ты откуда знаешь?

– Батя Рябича объявление видел.

– Где?

– На почте.

– Хорошо, – я потер руки, – все идет по плану.

– По какому плану? – Пашка по-матерински всплеснул руками. – Надо успеть продать яблоки, а то купят сколько надо и уедут.

– Кому продать?

– По объявлению.

– Никто ничего не покупает.

– А объявление?

– Это я написал.

– Ты?! – глаза за стеклами очков широко распахнулись. – Ты?!

– Ну я, – я скромно потупился.

– Ничего себе, – брат пораженно покачал головой. – И что теперь?

– Теперь надо только подождать.

Ждать пришлось недолго. Из дома выскочила мать:

– Вы чего тут?

– Стоим...

– Вы стоите, – всплеснула руками, – а умные люди не стоят! Умные люди яблоки продают!

– Какие яблоки? – спросил я.

– Зиночка звонила: на магазине объявление висит, что яблоки покупают. Понятно?

– Угу.

– Что ты как болотная сова тут угукаешь? Вы их бесплатно жрете, а можно денежку заработать! Ясно?!

– Ясно.

– Что тебе ясно? Не стойте, а идите яблоки собирать, дармоеды.

– У нас на веранде два мешка целых, – возразил Пашка.

– Два мешка – это на один зуб! Идите собирать!

Вооружившись ведрами и мешками, мы пошли в сад. Потрясли приглянувшуюся яблоню, стали собирать яблоки. Минут через двадцать подбежал Шурик:

– Привет, что вы делаете?

– Яблоки на продажу собираем, – ответил я, – Егоровна велела.

– Слушайте, – Шурик заюлил, будто хотел сходить по малой нужде, да негде, – а вы мне не продадите яблок?

– Зачем тебе? – спросил Пашка.

– Ну... – замялся, – поесть...

– Бери, ешь, – я подмигнул Пашке.

– Мне домой бы...

– Возьми несколько штук.

– А ведро можно взять?

– Ты что? Того? Как мы без ведра будем? Нас мать ударит за ведро.

– Я со своим приду.

– Нет, ведро это много. Нам не хватит, Егоровна рассердится.

– Давайте, я куплю у вас ведро яблок.

– За сколько? – вскинулся Пашка, впитавший от родите-

лей любовь к деньгам.

– Десять копеек дам.

– Ты что, – удивился я, – ведро яблок за десять копеек?

– А сколько вы хотите?

– Ну не знаю...

– Рубль! – выкрикнул Пашка. – Рубль хотим!

Я осуждающе посмотрел на брата, но было поздно – слово не воробей.

– Хорошо, – Шурик сорвал с головы кепарик и хлопнул им о землю, – за рубль ведро.

– Только в твое ведро, – уточнил я.

– Идет, я сейчас, – Моргуненок убежал.

– Рубль получим, – Пашка довольно потер руки.

– Ты вечно спешишь, – нахмурился я, – а могли бы больше получить.

– Сколько?

– Рубля два...

– Два?! – Пашка едва не заплакал. – Два?!

– Почему нет? Если бы у него было два рубля, получили бы два.

– Я не подумал.

– Оно и видно.

Прибежал Шурик с мешком.

– А где ведро? – не понял я.

– Вот, – он протянул две мятых бумажки и пятьдесят копеек, – два с половиной ведра. В мешок.

Мы с Пашкой переглянулись. Пашка едва не плясал от радости, что получит так много.

– Давай, – закричал брат, но я толкнул его локтем и посмотрел на Шурика:

– Мы договорились на рубль?

– Да.

– За ведро?

– Ну да, – закивал.

– Но за одно ведро, так?

– За одно? – Шурик поник.

– Конечно, нам же самим яблоки нужны.

– А два? – Моргуnenок умоляюще смотрел на нас.

– Только для тебя, как друга, второе ведро за полтора рубля, – сжалился.

– И сала принеси! – выпалил Пашка.

– Хорошо.

Мы отгрузили Шурику два ведра, и он, пыхтя, поволок их домой.

– Два с полтиной, – сказал я, глядя вслед, – неплохое начало.

– Думаешь, еще кто-то купит?

– Еще не вечер.

Я как в воду глядел. Через час прибежал Рябич, узнавший от Шурика о продаже и столкнулся на ведро за два рубля. Потом Башкиренко, купивший ведро за два с половиной. Пришла Катька – младшая сестра Башкиренка и на тридцать

копеек купила два десятка крупных яблок. Прибежал всклокоченный Шурик:

– Продайте еще два ведра, – совал два с половиной рубля.

– Уже ведро стоит два с половиной, – ехидно сказал Пашка. – И где наше сало?

– Я принесу.

– Вот когда принесешь, тогда и отсыплем. Если останется.

– Сейчас, – Шурик рванулся бежать, но я придержал его:

– Ты где деньги взял?

– Ну...

– Где?!

– Я продал яблоки.

– Кому?! – закричали мы.

– Ирке и Ленке.

Ирка и Ленка – двоюродные сестры Шурика, дочери деревенского токаря Толика.

– Дорого?

– Ну...

– Ну?

– За пять! – выпалил Шурик.

– И ты хочешь у нас за два с половиной, а сам за пять? – медленно спросил я. – Ты что, еврей?

– Нет, – Шурик поник, как одуванчик.

– Ладно, тебе как другу, за три рубля. Берешь?

– Беру!

– И сало, – напомнил Пашка.

– Принесу.

Насыпали ведро и Шурик убежал.

– Ничего себе, – пораженно сказал Пашка, – за пять рублей продал, вот хитрец!

– Хватит болтать, собирай яблоки.

Детей деревни охватила самая настоящая яблочная лихорадка. Они перепродавали друг другу яблоки, потрошили свои копилки. В ход пошел натуральный обмен: меняли на яблоки детские сокровища в надежде выгодно сбыть неизвестному покупателю.

К вечеру объявился взбудораженный отец:

– Там яблоки покупать будут, а вы чего лежите?

– Витя, они не лежат, – успокоила мать, – Я им велела яблоки собирать.

– Да? И где яблоки? – грозно уставился на нас.

– Ну... – я неопределенно развел руками.

– Что ну? – вскинулась мать. – У нас только на веранде три мешка яблок.

– Уже нет, – скромно потупился я.

– Что значит, нет? – не поняла мать. – Недавно стояли.

– Уже нет...

– Куда же они делись?

– Мы их съели.

– Съели?! – глаза матери едва не выскочили. – Три мешка?

– Ну да.

Пашка закивал.

– Три мешка? – не поверил отец.

– Ну да.

– Ну вы и проглоты, – папаша с уважением смотрел на нас. – Такое даже я не смог бы сделать – сожрать три мешка. Не, надкусить бы смог, но съесть... – он почесал затылок.

– На такое даже корова не способна, – покачала головой мать. – Как бы они не лопнули.

– Лопнут – страховку получим, – обрадовал отец.

– А на похороны расходы? – сварливо спросила мать.

– Похороны можно и дешево сладить, без поминок.

– Вить, ну что ты городишь? – всплеснула руками. – Как же без поминок? Что про нас люди скажут? – чопорно поджала губы.

– Скажут, что мы настолько убиты горем, что забыли про поминки.

– Если только так.

– Короче, – отец хлопнул ладонью по столу, – пока не лопнули, идите и собирайте яблоки. И не вздумайте жрать!

Мы переглянулись и отправились за яблоками. До темноты успели продать еще несколько ведер.

– Как дела? – из сумрака соткался отец с огоньком сигареты в зубах. – Живы еще?

– Живы, – пробурчал Пашка.

– Много набрали?

– Мешка два, – я показал на мешки.

– Мало, дети мои, ничтожно мало на фоне окружающего

нас фруктового изобилия. Ну ничего, ночь большая. Соберите, – закинул мешок на плечо. – СтаршОй, пособи.

Я закинул второй мешок ему на другое плечо.

– Мешки, если что, в сарае берите, – отец ушел.

– Нам что, в темноте собирать? – не понял Пашка.

– Угу.

– Долго?

– Я откуда знаю? Не отвлекайся.

Собирали часов до двух ночи, пока не пришла мать.

– Вы не забыли, что надо дров найти, свиньям завтра варить? – спросила она.

– За заборами идти? – прямо спросил я.

– Можете ошлепки всякие поискать.

– В темноте?

– Не трепи мне нервы! Идите за заборами!

Отнесли домой собранные яблоки и привычно отправились на охоту за заборами.

– Пошли к конторскому саду, – предложил я. – Там еще кое-где забор остался.

– Пошли.

В конторском саду шумело, шуршало, трещало и ухало.

– Чего это? – испуганно прошептал Пашка.

– Яблоки добывают, – сообразил я. – Придется искать забор в другом месте.

– Давай дверь на почте украдем, – зевнул брат, – а то спать охота.

– Сколько там с той двери дров? Она же из оргалита.

– Бруски деревянные.

– Ладно, – я тоже хотел спать, – пошли за дверью.

Дверь сняли быстро – сказывался опыт. Поволокли по липовой аллее в сторону клуба, потом нырнули в лесопосадку, потом в наш сад.

– Стой, – прошептал я, услышав в саду подозрительный шорох. – Там есть кто-то.

– Леший? – испугался Пашка.

– Какой еще леший? Леший в лесу, а это сад.

– Мог из посадки забрести.

– Не выдумывай, – я опустил дверь на землю. – Пошли, посмотрим.

Осторожно углубились в сад.

– Вон, смотри, – указал я на сгусток темноты в кроне яблони. – Эй, ты чего там? – спросил громко.

Фигура замерла.

– Ты кто?

Ответом была тишина.

– Учти, батя любит по тем, кто яблоки ворует, стрелять, – предупредил я³. – Сейчас его позовем!

Откуда-то со стороны асфальта послышался топот убегающего человека.

– Ну что? Звать?

– Нет, не надо. Это я, Сысой, – просипели с яблони.

³ См. рассказ «Яблоко раздора-II»

– Что ты там делаешь? Решил, как Фирс, на яблоне ночевать?

– Яблоко вот хотел сорвать – что-то в горле пересохло.

– Из-за одного яблока на дерево полез?

– На дереве посочнее.

– Слезай.

Сысой покорно слез. На животе болтался плотно набитый рюкзак.

– Чего это ты как кенгуру стал с сумкой на пузе ходить?

– Не знаю, кто такой Кенгура, а мне так это... удобнее, в общем. Я пойду?

– Что в рюкзаке?

– Каком?

– Что на пузе.

– Ах, – он хлопнул себя по лбу, – в этом?

– Угу.

– Это... это...

– Что это?

– Вещи мои. Зимние. Хотел простирнуть.

– В саду?

– На озеро шел.

– А в горле по пути пересохло, да? – подсказал я.

– Ну да. Я пошел?

– Рюкзак!

– Ладно, ладно, – он перевернул рюкзак, вываливая на траву яблоки, – и сорвал-то всего ничего. Подумаешь! –

с досадой откинул в темноту опустевший рюкзак. – Я пойду?

– Иди.

Он ушел.

– Ворюга, – обиженно сказал Пашка. – Только отойдешь, как воруют.

– Угу.

– Хотел украсть наши яблоки, гад.

– Надо рюкзак найти и яблоки собрать.

Домой пришли только в четвертом часу утра. Сгрузили яблоки и дверь, легли спать.

Назавтра в деревне только и разговоров было, что о торговле яблоками. Все ждали скупщиков. Мы с Пашкой выгодно продали еще несколько ведер.

– А хорошо, – Пашка снял очки и мечтательно щурился на солнце, – и я блоки есть не надо и деньги несут. Хорошо ты придумал.

– Угу, – какое-то странное предчувствие не давало мне покоя. Неужели все так хорошо закончится? В рассказе кончилось не очень, неужели у нас получилось?

– Дураки какие, да?

– Кто?

– Все. Поверили объявлению.

– Это да.

– Может, еще про что-нибудь повесить? Листья там какие-нибудь покупать или песок?

– Листья везде есть, с листьями не получится. А песка –

полный карьер.

– Ну, не знаю, – почесал затылок, – надо что-нибудь такое, что у нас есть, а у других нет.

После обеда пришел грустный Шурик.

– Привет, пецики. Слышали, яблоки покупают?

– Слышали, – усмехнулся Пашка, хитро подмигивая мне.

А ты чего грустный? Зуб болит?

– Я уже свои яблоки продал, теперь нести нечего.

– Куда нести? – Не понял я.

– К правлению.

– Зачем? – спросил Пашка.

– Там покупают.

– Кто?! – в один голос спросили мы.

– Не знаю, кто-то покупает.

– Дорого? – Пашка схватился за голову.

– Говорят, что дорого, – Шурик вздохнул, – а я уже продал.

Мы молчали, пытаюсь понять.

– Ты кому продал-то? – спросил я.

– Оресту продал, Ирке с Ленкой, Быре.

– Ничего себе! – Пашка взглянул на приятеля по-новому, с уважением. – Ты как еврей.

– Денег много выручил? – небрежно поинтересовался я, прикидывая, что можно еще яблок продать.

– Почти двенадцать рублей.

– Неплохо, – наш барыш был крупнее, но все равно, успе-

хи Шурика внушали уважение.

– А я вам сала принес, – он достал из кармана завернутое в газету подтаявшее сало, – и хлеба, – из второго кармана показался другой сверток.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– А лук? – спросил жадный Пашка.

– И лук, – Шурик вручил другу две крупные луковицы.

– Давайте поедим, – Пашка воровато оглянулся, не подкрадывается ли кто-нибудь отнять еду.

– Давай, – я достал нож, поделить на троих.

Сели на траву, быстро сжевали свои порции.

– Жалко, что мало, – вздохнул Пашка.

– Я чтобы мамка не заметила, – оправдываясь, сказал Шурик.

– Да ладно, – успокоил я, – нормально все.

– Нормально, но мало, – вставил Пашка.

Пришлось пнуть его ногой:

– Не жадничай!

– У меня растущий организм, – обиженно повторил он отцовскую фразу.

– У Шурика тоже растущий, но он же столько не ест.

– Не ем, – закивал Шурик. – А вы правда четыре мешка яблок вчера съели?

– Кто тебе сказал?

– Лобаниха мамке говорила, а я слышал.

– Нашли кому верить, она и не такое придумает. Пом-

нишь, как сочинила, что Пашка помер?

– Это да. Сказала, что ей Зиночка Башкириха сказала.

Зиночка – лучшая подруга матери, мать Андрея и Катьки.

– Понятно, – значит, мать не утерпела и сказала Зиночке, а та начала трепаться по деревне. – Мы меньше съели.

– Вы правда теперь лопнете?

– Если сало есть, то не лопнем, – мгновенно сориентировался Пашка.

– Так я вам еще сейчас принесу, – вскочил обрадованный Моргуненок.

– Подожди, – остановил я, – пока не надо, мы только поели. Пока хватит.

– Точно хватит?

– Точно.

– А то я могу.

– Не надо.

– Дети!!! – от дома послышался крик матери. – Вы где?!

– Ладно, нам пора, – я встал и подхватил мешок с яблоками.

– До вечера, – Шурик убежал.

Пашка взял ведра, и мы пошли к дому. На лавке сидел довольный отец и дымил «примой» как пароход на Миссисипи.

– Автомашину куплю с магнитофоном, – голосом Косого мечтал он, – пошью пиджак с отливом. Поеду на Кавказ: хачапури буду есть, воду минеральную пить. Вы только подумайте, обычная вода, но от сотни болезней помогает. А вот

ПОТОМ...

– Что потом? – не выдержала мать.

– И заживем в полном порядке, – самодовольство из него так и перло, как из хряка-производителя. – Радуйтесь, оболтусы, ваш батя гений коммерции, а не праздношатайка какой-нибудь!

– Что случилось? – осторожно спросил я.

– Дельце одно провернул, – отец довольно потер руки.

Я насторожился еще больше: обычно все «дельца» папаши оборачивались убытками для семьи.

– Спер что-то? – ляпнул Пашка.

– Почему сразу спер? Выше бери! – папаша ткнул пальцем в небо.

– Тебя министром сделали? – радостно прокричал Пашка.

Родители переглянулись.

– Валь, надо было делать аборт, – отец покачал головой, – говорил же.

– Уже поздно. Короче, – объяснила мать, – батя ваш все яблоки скупил.

– Какие яблоки? – не понял я.

– Все деревенские яблоки, – расплылся в широкой пугающей улыбке отец, – можно сказать, на корню.

– Зачем? – в животе появился какой-то ледяной комок, и он все разрастался, словно катясь со снежной горки.

– Валь, я же говорю, они балбесы. Ладно, – отец сиял будто начищенный самовар, – объясню. Все яблоки у меня – зна-

чит, я монополист, как капиталист, и могу устанавливать цену. Ясно?

– Ясно, – кивнул я, – но кому ты их будешь продавать?

– Приедут покупать скоро.

– Кто?

– Объявления на всех столбах висят, что будут покупать яблоки дорого. Это вы ничего не читаете, а батька ваш не спит! Они приедут, а тут я такой! Опа-на!

Мы с Пашкой потрясенно переглянулись.

– Вы, кстати, хватит трепаться. СтаршОй, там мешки в лентучке у Лобана – перенесите их на веранду все.

Через полчаса на веранде выстроились двадцать три мешка с яблоками. И это не считая трех наших...

– Теперь нам конец, – простонал Пашка.

– Угу.

Когда черед пару дней стало ясно, что никто не приедет за яблоками, мать приказала их есть. Правда, один мешок мы успели распродать не успевшим очухаться детям. От участи лопнуть от яблок спасла только соковыжималка. Я давил яблоки на ней, рядом Пашка вращал ручку мясорубки, перекручивая яблоки на вино. Часть яблок засушили.

Отец, чтобы не выглядеть в глазах людей полным дураком, распустил слухи, что невероятно выгодно продал яблоки. Нам об истинном положении дел рассказывать запретил. Мать, чтобы компенсировать потраченные супругом деньги, два месяца кормила нас одними яблоками.

– Ни зым, так надкушу, – вздыхал отец и тоже уныло хрустел яблоками, запивая кислым яблочным компотом и закусывая блинами, сделанными из яблочного жома. – Валь, пирожков бы что ли сделала, с яблоками.

– А тесто где взять, хамаидол? – всплескивала руками мать. – Может тебе еще котлету по-киевски сделать, опенок лысый?

– Хорошо бы.

– Нечего было деньги на яблоки тратить, жрал бы сейчас мясо!

Санта-Барбара

Говорят, что когда в СССР показывали фильм «17 мгновений весны», то городские улицы просто вымирали – все, затаив дыхание, застывали перед голубыми и черно-белыми экранами. Я этого не застал. У нас было совсем другое: деревня открыла для себя «Санта-Барбару». Ни рабыня Изура, ни тоже плачущие богатые не смогли вызвать такого отклика в бесхитростных сердцах деревенских жителей, как жизнь далекого калифорнийского городка. «Санта-Барбара» вошла в деревенскую жизнь внезапно, как лавина, и застряла в ней словно топор в суковатом полене. Вскоре бабушки уже не мыслили свою жизнь без дорогой мелодии: «Ту-ду-ду, ту-ду-ду-ду-ду, ту-ду-ду, ту-ду-ду-ду-ду». Мейсон, Иден, Круз и Си-Си Кэпвелл стали всем просто родными.

– Здорово, Степановна, – приветствовала подругу склочника Максиманиха, гоня поутру корову в стадо.

– Здорово, Захаровна. Как там Си-Си?

– Лежит, болезный, – смахивала платочком слезу Степановна, – а моего-то ирода никакой паралич не берет.

– Твоего любой кондратий стороной обойдет. А Иден-то, ась?

– Ишь ты, – Степановна грозила крепким еще кулачком, – вертихвостка городская!

– Крутит она, а Круз, итить, и не знает, поди.

– Не знает, – вздыхала Степановна. – Она ему рога наставляет, а он-то сурьезный, с намереньями. Бровищи вон какие, как у Брежнева почти.

– Смуглый, ладный, с пистолетом, что ей еще надо?

– Городская, оне все такие – проститутки, прости Господи.

– А ты, Степановна, напиши ему, чтобы знал.

– А ведь и правда, Захаровна, надо написать.

– Слышь, Фрол Прохорович, – вернувшись домой, закричала через забор Максиманиха. – Выйди.

– Чего тебе, Марфа Захаровна? – высунулся из сарая дед Бутуй.

– Я вот подумала, что-то у нас в деревне, кажись, сексу мало.

– Чего мало?

– Сексу, говорю, мало, пень глухой.

– Все я слышу, просто не вразумлюсь, чой-то за секс такой?

– Ну, это когда с бабой на сеновале.

– Это да, с бабами на сеновале у нас мало.

– Я вот подумала, – Максиманиха огладила свои бока, – что я вроде как Августа, тока помоложе, а ты навроде как Си-Си, только постарше и пострашнее.

– Что за сиси такие?

– Мужик такой, представительный, как Владимирыч наш.

– Это да, я мужик хоть куда, – приосанился Бутуй.

– Может нам того, на сеновал, как в молодости?

– Ты али одурела, дура старая? – испугался дед. – Али не в себе? С дуба рухнула?

– Сам ты дурак старый! – обиделась несостоявшаяся Августа. – Я себе молодого заведу. Вот хучь и Кольку Красотьевича.

– Нужна ты Кольке. У него свинья под боком, сытая да гладкая, и хрюкает меньше тебя, – мелко захихикал в прокуренную бороду Бутуй.

– Ты у меня сам дохрюкаешься, пень трухлявый! Напишу Крузу, придет и рога тебе посшибает, – зашла в дом, громко хлопнув дверью.

В далекую, но такую близкую сердцу Санта-Барбару устремился целый поток писем. Кто-то писал доносы, открывая одним персонажам неприглядное поведение других; кто-то жаловался на жизнь; кто-то признавался в любви Иден или Крузу. Даже наш папаша не устоял.

– Ты, Си-Си, – диктовал Пашке, у которого стараниями матери был самый красивый в семье почерк⁴, – это самое, твердо держись марксизма и диалектики. Написал?

– Сейчас, чуть осталось, – Пашка от усердия высунул язык. Он впервые писал письмо американскому миллионеру и был необычайно горд собой, – все, написал.

⁴ См. рассказ «История О»

– Спуску бабам не давай, – отец выпустил к потолку струю дыма, – но при этом помни, как говорил наш замечательный сатирик товарищ Райкин...

– Витя, – прервала мать, – про Райкина не надо, мало ли. Слово не воробей – вылетит, и поймают.

– Хм, точно. МладшОй, про Райкина вычеркни, а то в космополитизме еще обвинят или сионизме. Пиши так: помни, что женщина друг человека, что наглядно доказали Клара Цеткин и Роза Люксембург, проведя марш пустых кастрюль.

Пашка послушно скрипел ручкой, отец курил, я пытался раскусить смысл его фраз, мать привычно мотала ниточки на палец, сортируя.

– Еще скажу тебе, Си-Си, что необходимо тебе вступить в ряды коммунистической партии, пусть даже и американской, ибо только тогда ты сможешь вооружиться учением Маркса. А учение Маркса всеильно, ибо оно верно. Что еще?

– Про дочек скажи, – подсказала мать.

– Точно! – он хлопнул себя по блестевшему потом лбу. – Про мокрощелок этих надо заострить вопрос. Пиши: ты обрати внимание на моральный облик своих дочерей, ибо моральный облик их как у городских шалав.

– Вить, что ты говоришь? – возмутилась мать. – У них шалавы наверное только в Нью-Йорке, а Санта-Барбара городок маленький.

– Точно, про шалав не пиши. Пиши: проституток. А вот

были бы комсомолками, все было бы по-другому. Иден девка добрая, грудастая, на Лариску нашу похожа...

– Про Лариску не пишите, – покачала головой мать.

– Хорошо, вычеркни. Пиши: добрая, но безмозглая, как Лар., тьфу ты! Пиши так: и этим может воспользоваться смуглый.

– Круз, – подсказала мать.

– Во-во, Круз может воспользоваться. А ведь он полицейский, значит, притеснял негров, а это уже апартеид.

– Круз убил Нельсона Мандулу? – спросил Пашка.

Родители переглянулись.

– Нет, не Круз, – покачал головой отец, – но похожий бледнокожий держиморда. Не отвлекайся, пиши. Так что следы, а то принесет в подоле смуглого.

– Витя, тут же дети!

– Ну... – папаша звучно поскреб лысину. – Короче, Круз ваш – расист и работорговец, пустой человек и фигля-мигля, гоните его в шею! Что еще? – посмотрел на мать.

– Про младшую надо, про Келли.

– Надо, – он закурил следующую сигарету. – Пиши: Келли девка видная, но без царя в голове. Надо ее в секцию какую-нибудь пристроить или в кружок отдать.

– Театральный, – подсказала мать.

– Пиши: в театральный. Ребята у тебя шебутные, пусто-брехи, честно скажу, могут и до тюрьмы допрыгаться. Мэйсон ваш чудак. Надо бы его к нам в сельхозинститут или да-

же военное училище, там из него быстро дурь выбьют. Эх, помнится, в армии... Про армию не пиши – цензура не пропустит. Младший твой, мальчик хороший, почти как я в молодости, но чистая егоза. Надо бы его к делу пристроить. Ну, вроде все?

– Вроде да, – подумав, кивнула мать, – вроде все.

– Пиши дальше: куроводство – точная наука, поэтому яиц выслать не можем, сами без яиц страдаем. Плохо, что у вас деда Мороза нет, не по-людски как-то, будто папуасы какие в тростниковых юбках.

– Вить, надо для цензуры что-нибудь хорошее написать.

– Точно, пиши, младшОй: зато с колбасой полегче стало – кушаем в полное свое удовольствие. Хрен и горчица, опять же, не переводятся, да сметанка своя. Вот только одна просьба небольшая... – замолчал, обдумывая. – Пиши: у старшего-то нашего обувка развалилась, а скоро осень, дожди там, слякоть, снег, метель, сугробы. Ты же миллионер, помоги нашему горю. Переведи денег сыну на сапоги.

– Про младшего не забудь, – всполошилась мать, – просить, так на двоих. Чего два раза перед буржуем унижаться, да зря конверты с марками переводить?

– Логично, – покивал отец. – Пиши: и младшему нашему надо обновку к школе справить, брюки да картуз. А то заболит туберкулезом и умрет. Буржуи, – объяснил матери, – они к детям жалостливые, к беспризорникам там, педикулезным, тифозникам.

– Бабушка рассказывала, что некоторые немцы детям хлеб и молоко украдкой давали в оккупации, – вспомнила мать.

– Вот видишь, – отец воздел палец, – немецко-фашистские оккупанты и то о детях худо-бедно заботились. А уж Си-Си, глянь какую морду наел, не может немного ни отщипнуть. Немного денежек на пропитание.

– Все-таки миллионер, они жадные.

– Это для нас с тобой миллионер, а у них, в загнивающей Америке, миллионеров как грязи, больше, чем у нас милиционеров. Может хоть какие-нибудь обноски пришлет. Шеппе вон из Германии и то харчи шлют, а тут целый миллионер. Да ему такие деньги как раз пива не попить.

– Думаешь, он пиво пьет? – усомнилась мать. – Все-таки мужчина солидный, представительный, почти как ты.

– Конечно пьет – там же жарко, океан рядом, ветер соленый, вот пить постоянно и хочется. Ему что, нырнул к бочке, попил холодненького и дальше побежал.

– Вроде не показывали, чтобы пиво пил.

– Ты же не все серии видела.

– Не все.

– Да и не могут же они все показывать? – он пожал плечами. – Как в туалет ходит тоже не показывают, а ведь ходит.

– Ладно, убедил.

– Продолжаем: ты, чтобы уж два раза перевод не делать, пришли сразу заедино на двоих. Заранее благодарен, как коммунист будущему коммунисту.

– Буржуи народ жадный, – задумчиво сказала мать, – за скрепку удавятся, но Си-Си мужик ушлый.

– Я любого капиталиста за пояс заткну, – хвастливо сказал отец, – потому, что «Капитал» читал. И подпись: Виктор Владимирович Костромин, запятая и ниже: директор, член партии.

– Думаешь, пришлет? – дрожащим голосом спросила мать.

– Как же не прислать? Дело-то, почитай, международное, политика. Ежели не пришлет, так на весь мир жмотом прослышет. Сами вон булки с сосисками в ресторанах лопают, а тут детишкам на обувку да одежонку. Понимать надо.

– Ну, дай то Бог, – мать перекрестилась.

Отец тщательно заклеил конверт, степенно надписал адрес: США, Санта-Барбара, Си-Си Кэпвеллу. Подумав, дописал: лично в руки.

– Ну все, Валь, как на работу завтра пойдешь, на почту занеси.

– Небось марок много покупать, – вздохнула рачительная и бережливая мать.

– Марок оно конечно, – родитель почесал затылок, – много, все же Америка, а не Алма-Ата. Но с марками можно и сэкономить.

– Как?

– А вот так. Учитесь, пока я жив. Дети мои, отклейте со старых конвертов марки и приклейте сюда.

– Там же штемпель, – сказал я.

– Закрасите, – отмахнулся отец, – зря я что ли коробку цветных карандашей принес? Только аккуратнее отклеивайте, не порвите.

– Вы над паром из чайника подержите, – подсказала мать.

До поздней ночи мы отклеивали марки, подчищали лезвием и закрашивали карандашами следы штемпеля.

– Говорил же, надо было марки на почте забрать⁵, – сказал Пашка.

– Надо было, – признал я.

Утром мать отнесла конверт, почти весь обклеенный марками, на почту и под косым взглядом почтальонши положила на конторку.

– Здравствуйте, Валентина Егоровна. Что у вас?

– Здравствуй, Анечка. Письмо. Хватит марок?

Предпенсионного возраста Анечка с подозрением осмотрела конверт, по крысиному обнюхала и с сомнением посмотрела на мать:

– Вроде должно хватить. Тоже Си-Си пишете?

– Это Виктор Владимирович, покраснела мать, – по работе.

– Ну-ну... – Анечка задумалась.

– А что, много пишут? – осторожно спросила мать.

– Много, вы не поверите: Печенкин вон Иден написал, Рябич старый – Августе. Пишут, – почтальонка тряхнула пег-

⁵ См. рассказ «Пестрая лента»

ми волосами и смахнула письмо. – Отправлю, не волнуйтесь.

– А я и не волнуюсь, – мать гордо покинула почту.

Если бы наша история была выдуманной, то она бы на этом и закончилась, но жизнь порой гораздо интереснее любой выдумки и выкидывает невероятные зигзаги. Пашке и Шурику втемяшилось в головы, что в сумке почтальонши деньги. Неделю они выслеживали Анечку, пока не подвернулся удобный случай. Анечка зашла к Максиманихе, пропустить рюмашку и послушать свежие сплетни. А сумку беспечно оставила на крыльце. Малолетние разбойники прокрались во двор, схватили сумку и были таковы. У нас в саду распотрошили сумку. Кроме скучных газет в отдельном кармашке нашли пачку вскрытых писем в Санта-Барбару. Анечка их никуда не отправила, а читала сама. Пашка отдал письма отцу и тот в гневе собрал партсобрание. Хотели довести дело до суда, но так как больше желающих почтарить не было, ограничились строгим выговором. После собрания письма в Санта-Барбару возили уже на почту в райцентр. Хотя, поток писем уже значительно поуявл, а потом и вовсе сошел на нет.

Ловкачи

Папаша наш был большой выдумщик, при этом характером был скаредный и вороватый.

– Валь, – заявил воскресным утром, щедро приложившись к бутылке с молдавским коньяком, – я гений!

– Опять? – вздохнула мать. – Не вздумай больше никаких яблок покупать! Гений он!

– Яблоки – пройденный этап, – отмахнулся отец, – надо глобальнее мыслить, с людьми надо помягше, а на вопросы, как говорится, смотреть ширше и углубже.

– Понесло, – мать с осуждением покачала головой. – Не умеешь ты пить, Витя.

– Все я умею! – хлопнул по столу кулаком. – Я пью, да дело разумею, не то, что некоторые.

– Это кто, например? – глаза матери по-змеиному сузились, а рука привычно потянулась к сковородке, которую Пашка вымакивал хлебом от жира, оставшегося от съеденной отцом яичницы на сале.

– Я в общем сказал, – начал юлить отец.

– Тут не партсобрание, ты говори конкретно, кого имеешь в виду?

– Да полно таких несознательных элементов, – папаша покосился на нас, – всякие алкоголики, тунейдцы, «социально близкие» и прочая шелупонь.

– Это да, – согласилась мать.

– А мы, прогрессивное человечество, совсем по-другому. Вот, например, взять куроводство. Некоторые думают, что в нем ничего сложного, а между тем, я, как куровод, могу в любой момент главой Птицепрома стать!

– Хватит демагогию разводить! – прервала мать. – Говори конкретно, что задумал.

– Скучный ты человек, Валентина, – вздохнул отец.

– Ты зато веселый, как жало смочишь. Когда же ты уже нахлебаешься?

– Мои друзья хоть не в болонии, – запел отец, – зато не тащат из семьи. А гадость пьют из экономии, хоть по утрам, да на свои.

– Трепло ты.

– Ничего я не трепло! Слушайте и учитесь, пока я жив.

Мы замерли в ожидании плана очередной папашинной авантюры.

– Мы устроим сбор пожертвований.

– На церковь? – не поняла мать.

– Ты что, совсем того?

– Теперь же можно.

– Сегодня можно, а завтра там, – он показал пальцем на потолок, – очухаются и будет опять нельзя! А тебя уже на заметочку там, – ткнул пальцем себе за спину, – взяли. Не отмоешься потом.

– Это да, – закивала мать, – это может быть. Так на что

собирать?

– На негров, – выпалил отец и, выпятив грудь, будто петух Петроний, с довольным видом посмотрел на нас – вот, мол, я какой.

– На каких негров? – вытаращила глаза мать. – Где ты нашел негров?

– В Америке. Там их, между прочим, угнетают! Хоть даже «Хижину дяди Тома» почитай.

– Я не знаю, кто там у Тома дядя, но ты чушь какую-то городишь, ахинею несешь.

– Ничего не чушь. Я в райкоме плакаты с угнетаемыми неграми того, – понизил голос.

– Чего «того»?

– Позаимствовал, короче. Душевные такие картинки, трогательные.

– Где они?

– В мастерской стоят.

– Пошли.

Плакаты были внушительные: негры в кандалах; надсмотрщики с бичами; мордатые полицейские в шлемах, избивающие дубинками мирного чернокожего алкаша.

– Ну как тебе? – отец приплясывал от нетерпения.

– Ну... – мать задумчиво изучала наглядную агитацию, – серьезная штука, с душой нарисовано.

– Вот видишь! – обрадовался папаша. – Даже тебя, человека темного, и то трогает за душу, а уж деревенские проста-

ки за раз-два будут готовы. Пиф-паф и наповал.

– Ой-ей-ей, – подсказал Пашка.

– Будет тебе полный ой-ей-ей, – согласился отец. – Дай только срок. Еще и книжка у меня есть «Бесправное положение негров в США». Ну что, Валь?

– Дальше рассказывай.

– Дальше рассказывать собственно нечего: ночью развешиваем в правлении плакаты и ставим ящик для пожертвований жертвам апартеида.

– Сопрут ящик-то, народец шустрый.

– Замечание принимается, – закивал отец, – ящик поставим у вас в бухгалтерии. Будешь за ним присматривать.

– А дальше?

– Дальше на отчетном собрании достаем деньги, пересчитываем, объявляем всем благодарность и я везу их в райцентр – сделать перевод на почте.

– А ну как не поверят?

– Не волнуйся, все продумано. У меня корешок перевода уже готов, осталось только сумму вписать. Привезу его для отчета.

– Ловко, комар носа не подточит.

– А я тебе что сказал? План просто гениальный, – отец засиял улыбкой, как начищенный чайник.

Улыбка была шербатой из-за зуба, который выбила в Пеклихлебах повариха, подловившая его на кражах из столовой (скатерть и запасы черного перца у нас были оттуда). Впро-

чем, отец всем рассказывал, что лишился зуба, когда помогал КГБ задерживать банду особо опасных контрабандистов.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Поживем – увидим, к чему твоя идея приведет.

Ящик для пожертвований сделали из посылочного, в котором хранили сало – пропилили в верхней крышке прорезь и приколотили крышку гвоздями. Отец еще и обклеил ящик бумажными полосками, на которые щедро наставил оттисков совхозной печати.

– Хорошо бы его цепью приковать, – отец задумчиво почесал лоб, – но куда ее приколотить?

– К стене.

– Ты что, дурачок, стену в бухгалтерии портить? Да и потом, – наставительно отвесил мне оплеуху, – дырка в стене есть улика. Что ящик был, попробуй-ка докажи: может приснилось, а может и галлюцинация. Сон или галлюцинация для суда не улики. А дырка есть объективная реальность, которую любой судья просто обязан будет принять во внимание. Понял?

– Так точно.

– А что, – спросил Пашка, – суд будет?

– Будет, не будет, – раздраженно ответил отец, – какая разница? Надеяться надо, что не будет, но готовиться, что будет. Въехали?

– Да, – закивали мы.

– Молодцы. Ночью никуда не уходите: как стемнеет, по-

едем плакаты вешать.

– Нас побьют, если поймают? – испугался Пашка.

– Насчет побить не знаю, но куры вас когда-нибудь точно засерут, – он отвесил Пашке щелбан, – если поймают, – до-вольно захихикал и ушел в дом.

– Спрячемся? – без особой надежды спросил Пашка.

– Куда мы от него спрячемся? – вздохнул я. – Лучше по-мочь. Если с батей поймают, то бить точно не будут.

– Не будут?

– Он же директор, кто его бить будет?

– Это да, – Пашка слегка успокоился. – Он же вроде на ра-боту пришел.

– Ночью?

– А хоть и ночью. Работа же сложная.

– Это да, это точно.

Полночи мы с отцом вешали на стены правления плакаты. Все было нормально до того, как отец попал себе по пальцам молотком. После он, сидя на принесенном из кабинета стуле, только матерно руководил, а вешали мы. Из-за этого плакаты приколотили низко.

Утром в понедельник пришедшие на работу с удивлением рассматривали плакаты. Прослышав о небывалом событии, понабежали трактористы, доярки и механизаторы.

– Это что же? – возмутился успевший похмелиться заслу-женный механизатор Коля Печенкин. – Это как же? У нас социализм, а у них вот как! – ткал почерневшим от машин-

ного масла пальцем в чернокожего алкоголика. – Человеку в пятницу после работы и выпить нельзя?! Это как, товарищи?! – смотрел на односельчан.

– Вон как лупят, – поддержал Серега Корявый, для которого плакаты как раз по росту подходили, – фашисты просто.

– Что за шум? – из кабинета выглянул отец.

– Ты гляди, Владимирыч, что делается! – закричал Печенкин. – Нет жизни рабочему человеку в Америке.

– Да, товарищи, – отец окинул собравшихся цепким взором, – международная обстановка накаляется. Гидра апартеида поднимает кровавые головы, оскаливает щербатые пасти, эксплуатация человека человеком нарастает день ото дня! Наши черные товарищи не жалея крови и самой жизни бьются на баррикадах и помочь им есть наш священный долг! Ура!

– Ура! – грянул нестройный хор.

– А как им помочь? – насмешливо спросил матерый воррецидивист Леня Бруй.

– Да, как? – поддержал Корявый, недолюбливающий отца с тех пор, как тот наставил ему рога.

– Как помочь? – отец напустил на себя задумчивый вид. – Денег им надо собрать: на оружие и боеприпасы.

– Денег? – ахнула какая-то из доярок.

– Конечно денег. Кто этого не понимает, есть жертва промышленной революции и призрак мочегонной мечты (отец любил завернуть такое, чего никто не понимал). Нет, если

желаете, то можете поехать сами и бороться вместе с ними. Я не возражаю. Подпишу отпуск за свой счет.

Люди зашуршали, зашептались, стали смущенно переглядываться.

– Много денег? – спросил Корявый.

– Что ты как еврей? – зашикали на него. – Там людей убивают.

– Кому сколько совесть позволит, – с достоинством ответил отец. – Лично я, – его гордой позе и благородной лысине позавидовал бы любой древнеримский патриций, – обязуюсь отдать свою зарплату за два рабочих дня.

– Я тоже! – Печенкин сорвал картуз, в который была воткнута искусственная гвоздика, украденная на кладбище, и с размаху хлопнул его об пол. – Я тоже за два дня, пишите!!! Разницу можете отнести на мой счет!

– Не погибнула еще наша Россия, – процитировал Гоголя отец и гулко похлопал в ладоши.

– И я, и я, – донеслось из толпы, – мы тоже дадим.

– Глас народа – закон для нас, – поклонился отец. – Ящик для сбора пожертвований установим в бухгалтерии, а пока все по местам, товарищи. Работа не ждет, – развернулся и скрылся в кабинете.

Гудя словно растревоженный улей, люди расходились по рабочим местам.

Три дня жертвования были главной темой деревенских разговоров. В четверг неожиданно приехал журналист

из районной газеты «Знамя труда» чтобы сделать репортаж о необычной инициативе совхозников в помощь угнетенным чернокожим. Отец насторожился, но было поздно. Раскрывшийся маховик аферы было не остановить: парторг Краха доложил в райком, из райкома отрапортовали в обком. Соседние хозяйства, ободренные примером, тоже объявили сбор пожертвований.

– Витя, что ты натворил? – за ужином скрипела зубами мать. – Комар носа не подточит? Да? Да за тобой теперь весь район наблюдает! Ты еще и кучу своих денег туда засунул! За два дня зарплату!

– Не волнуйся, – без особой уверенности в голосе говорил отец, – что-нибудь придумаем.

– Что тут можно придумать? – она схватила себя за волосы.

– Не знаю...

– Может, пожар? – предложил Пашка. Он любил бегать смотреть на пожары.

– Где пожар? – не поняла мать.

– В конторе...

– Ты что, ку-ку? – повертела пальцем у виска. – Где мы с батей работать будем, если контора сгорит?

– Не знаю, – смутился Пашка, – где-нибудь.

– Ку-ку, – мать покачала головой, – что папаша пень, что сын опенок, оба деревянные.

– А если деньги послать? – не выдержал я.

– Какие деньги? – удивилась мать.

– Ну эти, на негров.

– Кому послать? – нахмурился отец.

– Неграм...

– Третий тоже деревянный, – вздохнула мать. – Просто три тополя на Плющихе. Да твой батя лучше контору спалит, чем с деньгами расстанется! Он за копейку зарежет!

– Валь, не плети ерунды!

– Что, Валь? Что, Валь? Да ты как разбойник с большой дороги!

– Валентина, я бы не стал вопрос ставить так, – отец закурил, – но в твоих словах определенно есть доля истины. Иногда полезнее устроить поджог, чем отдать деньги.

– Вить, что ты несешь?!

– Не обязательно же сжигать здание дотла, можно поджечь только бухгалтерию и быстро потушить. А под шумок прихватить ящик.

– Как ты его вынесешь? Под мышкой что ли?

– Могу закинуть в кабинет, а как все уляжется, спокойно вынесу.

– Господи, – посмотрела в потолок мать, – с кем я живу? Витя, я могу быть с тобой откровенной?

– Нет, – скривился отец, – я хочу, чтобы ты пудрила мне мозги.

– Витя, ты как пигмей.

– Валь, ты не горячись, не надо тут смотреть, как вошь

на Моську, ты обдумай.

– Хватит обговаривать и тудукать!

– Сейчас не время для дискуссий. Давай рассуждать конструктивно.

– Идите вы через речку в пень-колоду! – мать злобно зыркнула на нас и ушла на кухню.

– Может, украсть ночью? – предложил Пашка.

– Как ты ночью туда попадешь? – отец затушил окурок в банке из-под кильки и снова закурил. – Дверь взломать? Шум, гам, след, милиция, суд.

– Окно? – Пашка с надеждой блеснул очками. – Мамка оставит открытым, а Влад...

– Не в меня ты, – отец выдохнул ему в лицо струю дыма.

– Почему? – не понял Пашка.

– Там окон нет, – сказал я.

– Нет? – растерялся брат.

– Нет, – подтвердила с кухни подслушивающая мать.

Отец снова выдохнул в Пашку дым:

– Учти, дым идет в сторону того, кто мочится на перекрестках, – сказал он строго.

– Я же не мочился!

– Дыму виднее, он древнее тебя. Не спорь со стихией, балбес.

– Смотри мне! – погрозила Пашке пальцем мать. – На перекрестках черти яйца катают, в свайку играют и летку-енку танцуют. Утащат тебя с собой ко всем чертям! И срать там

не вздумай, – дополнила она, – а то деревенские поймают и как шкодливого котенка мордой в фекалий натычут.

– Деревенские могут, – кивнул отец, – только так, в рамках учения марксизма-ленинизма Идея! – он вскочил с табуретки. – Мы переведем бухгалтерию в другую комнату!

– Как? – мать возникла в дверях кухни.

– Временно пересадим вас в диспетчерскую и все дела.

– Но как?

– Элементарно, Вальсон! – папаша сел обратно и приосанился. – Учитесь, пока я жив! В бухгалтерии будет вонять, поэтому женщины попросят решить проблему. Я подпишу приказ о временном переезде в диспетчерскую. Там окна есть. Остальное дело техники: Влад залезет и сопрет ящик.

– Почему там будет вонять? – с подозрением спросила мать.

– Не забивай себе голову, вонь я беру на себя. Дети мои, за мной! – вскочил и устремился из дома.

– Слушайте, – усевшись на скамейку, притулившуюся в тени забора напротив веранды, тихо начал он. – Надо залезть под пол и подложить под бухгалтерию голову.

– Чего? – от неожиданности Пашка отпрянул. – Чью?

– Не твою же, – отец улыбнулся как сытый крокодил. – Телячью. Недавно телят забивали, а потроха и головы выбросили в яму за фермой. Возьмите голову и Влад ее подложит.

– Почему я?

– Пашка там заблудится, а я не пролезу.

– Как я вообще туда попаду?

– Забыл, как Вера Андреевна ногу сломала?

Учась в третьем классе, додумались мы с Андрюхой Пончиком выдрать гвозди из пары половых досок. Я тогда в «Питере Пэне» прочитал про пиратскую казнь – хождение по доске. Длинные доски пола, покрытые коричневой краской. После того как гвозди перестали крепить их к слегам, доски превратились в качели, ждущие неосторожного ученика чтобы превратиться в ловчую яму. Жертвой стали не ученики, и даже не учительница, а, зашедшая в школьную комнату, главный бухгалтер Вера Андреевна – мать Андрюхи. Беззаботно ступила на конец доски и провалилась в разверзшийся под ногой пол.

– Помню.

– Отдерем доску в коридоре, подмости поперек лежат. Там где-то с полметра прощегал между землей и полом, ты пролезешь. Понял?

– Понял.

– Тогда берите мешок и чешите за головой. Только не надумайтесь домой притащить, а то у вас ума хватит.

– А куда ее девать?

– Повесите в саду на яблоню, только подальше от дома.

Мы взяли в сарае дерюжный мешок и уныло потащились по саду к ферме. Перебежали асфальт, дошли до зарослей бурьяна вокруг фермы. Яму с отходами нашли по удушливой вони. Выбрали среди груд разлагающихся осклизлых потро-

хов облепленную мухами голову, зацепили палкой, засунули в мешок. Морщась, притащили в сад, привязали на дерево и пошли на огород к большим бочкам с дождевой водой – отмываться от запаха.

Когда стемнело, отец приказал нести голову к правлению, а сам взял инструменты и поехал на машине. Мы вскрыли пол напротив двери бухгалтерии, и я с мешком и фонариком нырнул под доски. Ползти по земле было неприятно, я задышался от запаха, но спешил, боясь, что отец заколотит доску обратно, и я останусь здесь навсегда. Обошлось – бросив голову примерно посреди бухгалтерии, шустро пополз обратно, обдирая локти и пачкая колени.

– Чего так долго? – недовольно встретил отец. – Заснул там что ли? Мы тут полночи торчать будем?

– Я старался.

– Старался он. Дети на горшке стараются, а ты должен был выполнить задание. Выполнил?

– Так точно.

– Тогда вылезай, – протянул руку и выдернул меня словно репку из грядки.

Поморщился от запаха.

– Короче, приколачивайте обратно, только смотрите, доску сильно молотком не побейте, – протянул кусок войлока со старого валенка. – Вот, гвозди через него заколачивайте, чтобы шляпки не блестели от молотка. А я домой. Как забьете, чешите домой, только помыться не забудьте.

Он ушел, а мы поспешно приладили доску обратно и выскочили из правления. Было тихо, здание почты зияло черной дырой на месте недавно украденной нами на дрова двери.

– Это сюда надо будет лезть? – оглянулся на окна Пашка.

– Если пересадят, то сюда. Пошли домой.

Через пару дней, после жалоб бухгалтерш и кадровички, их пересадили в диспетчерскую.

– Учись, – вечером вошел напыщенный как индюк отец. – Я у вас кто?

– Баран ты у нас, – мать всучила газету с репортажем о сборе средств. На фотографии расплывалась щербатая улыбка отца, держащего над головой ящик.

– А что, неплохо вроде вышел? Смотри, какой я красавец!

Приходи Маруся с гусем, а потом закусим!

– Что ты мне нервы поднимаешь, падла в галстуке?!

– А что такого?

– Там написано, что приедут с телевидения – репортаж снимать.

– Чего? – выпучил глаза отец. – Какой еще репортаж?

СтаршОй, нужно срочно лезть за деньгами!

– Куда он полезет? Я окно не открыла.

– Почему?

– Не получилось.

– Тогда открой завтра.

Назавтра тоже не получилось, а на следующий день при-

езжали снимать репортаж.

– У нас последний шанс, – вечером сквозь зубы сказал отец. – Я соберу всех в клубе на торжественное собрание, а Валька оставит окно открытым. Понятно?

– Да, – кивнул я.

– Смотри мне, – помахал перед моим носом внушительным кулаком, – не напортачь.

Назавтра мы с Пашкой затаились, лежа в траве в конторском саду, наблюдая, как люди, возбужденно переговариваясь, шли в клуб. Мать со значением оглянулась. Шаги затихли.

– Пойдем? – нервничал Пашка.

– Рано еще, погоди.

Прошло минут десять.

– Пора, – решившись, прошептал я, – жди тут.

Подполз к кустам, росшим со стороны школы, протиснулся через них, спрятался за угол, прислушался. Тихо. Выглянул из-за угла и обомлел. По бетонной отмостке пятился белобрысый мальчик с ящиком для пожертвований в руках. Я нырнул обратно, лихорадочно пытаюсь понять, что делать. Это был сын токаря Стасик – известнейший деревенский ворюга. Он шагнул за угол, и я ударил его кулаком в затылок. Стасик упал. Я схватил ящик и кинулся бежать. Добежал до Пашки, упал на траву.

– Давай быстрее!

Топором сбили крышку, пересыпали монеты и купюры

в Пашкину холщовую сумку, вскочили.

– Там Стасик был, – сказал я. – Это он украл.

– Он тебя видел? – обмер Пашка и медленно пустился на траву.

– Нет, я его вырубил. Хватит трепаться! – со стороны конторы послышался шум, крики. – Уходим! – я засунул топор за брючный ремень, топорищем в штанину, прикрыл его рубахой и мы кинулись бежать.

Для маскировки побежали не домой, а выскочили из сада и пошли по улице к новому магазину. Дойдя до магазина, обошли его и по околице дотопали до крайней улицы, где жил переселенец Капитан. По ней неспешно пошли в сторону карьера. Никого не встретив, добрались до перекрестка, перебежали асфальт и нырнули в спасительную зелень своего сада. Доклыпали до двора, спрятались в зарослях малины на погребе.

– Сколько там? – трясся от жадности Пашка.

– Не знаю.

– Давай посчитаем.

– Что бы потом батя сказал, что мы украли? Оно нам надо?

– Может, возьмем себе немного? – брат понизил голос, просительно глядя мне в глаза. – Чуть-чуть... Они же не знают, сколько там.

– Вдруг где-то записано? – я покачал головой. – Мы же не знаем.

Между тем, в правлении кипели страсти. Вернувшиеся за забытым в суматохе ящиком главбух Вера Андреевна и вездесущий Печенкин увидели открытое окно и обнаружили пропажу ящика. Вера Андреевна позвонила в клуб, а Печенкин кинулся в погоню. За углом увидел едва пришедшего в себя Стасика и сходу сунул ему в челюсть. Стасик снова вырубился, а от клуба уже бежала, возглавляемая пышущим праведным гневом отцом, взбешенная толпа. Стасика пару раз макнули головой в стоящий в коридоре правления бачок с затхлой водой и начали допрашивать.

Под грузом улик он признал, что украл ящик, но о дальнейшей судьбе денег не знал. От идеи линчевать надоевшего всем ворюгу спасло лишь присутствие корреспондентов. Следопыты-общественники нашли раскуроченный ящик. Повисла зловещая тишина – все думали, кто кроме Стасика мог совершить такое святотатство.

– Вы уж извините, – склонил перед телевизионщиками голову отец. – Сами видите, провокация буржуазных сил, контрреволюционные элементы, – повысил голос. – Мы должны сплотиться перед лицом внешней угрозы! Враг не пройдет!

– Правильно, Владимирыч, – поддержал Печенкин. – Мы с тобой!

– Меня шпион убить хотел, – пискнул ободрившийся Стасик. – А я деньги спасал.

– Молчи, гнила, – прошипел отец, – я с тобой после пого-

ворю! – обернулся к камере – Мы проведем самое тщательное расследование, иностранные агенты будут изобличены и наказаны! – он потряс кулаком.

– Отлично, снято, – корреспондент вяло похлопал в ладоши.

– Вы снимали? – смутился отец.

– Конечно, нам же нужно репортаж сделать.

– Владимирыча по телевизору покажут, – обрадовался наш сосед Колька Лобан. – Давно пора.

– Ура!!! – закричал успевший хорошо похмелиться Печенкин.

– Ура!!! – грянула толпа.

– Качать его!!! – надрывался Печенкин.

– Снимай! – прокричал оператору корреспондент.

Отца подхватили и стали подбрасывать вверх. Ошалевший оператор едва ловил его камерой.

– Хватит! Хватит! – задушено кричал отец. – Поставьте меня!

– Вот так завершился, – в камеру влез корреспондент, – организованный директором совхоза Костроминым сбор пожертвований на дело борьбы за права угнетаемых нацменьшинств США. С вами был Василий Пройма. До скорой встречи. Выключай, – махнул оператору.

Оператор выключил свой агрегат и телевизионщики свалили на стареньком РАФ-ике. Уставшие совхозники поставили отца на грешную землю.

Придя домой, мать отняла у нас деньги и потом вместе с отцом считали их и смеялись. Выслушав историю похищения, отец развеселился еще больше.

– Вот ворюга! – взбеленилась мать. – Черти его за это припекут! Горячими ухватами, ох и припекут! Поделом ему будет!

– Валь, спокойнее, – папаша ласково посмотрел на меня. – Сегодня ты совершил первое в жизни разбойное нападение и при этом благородный поступок: покарал вора.

– А так бывает?

– Тысяча червей! – голосом Боярского вскричал отец. – Еще как бывает. Украсть у вора – это не преступление, а подвиг. Вспомни Робин Гуда.

По телевизору отца мы так и не увидели, но в газете снова про него написали. Еще дали грамоту в райкоме. После вручения, он под шумок украл еще и какой-то спортивный кубок и потом всем хвастался, что был чемпионом Ашхабада по боксу в полутяжелом весе.

Куку-руку

– Куку-руку – это чуда, лучшая из всех на свете, – пел Пашка, проходя через прихожую.

– Что за чуда? – не понял сидящий за столом отец. – Кенгуру?

– Куку-руку, – гордо отрапортовал Пашка.

– Что это такое? – отец коснулся его лица длинным языком сигаретного дыма.

– По телевизору показывали, – очки Пашки растерянно блеснули.

– Я понимаю, не дебил, в отличие от некоторых, что показывали по телевизору, но что это физически? Конфета?

– Ну...

– Баранку гну и антилопу-гну нагну! – скороговоркой отозвался папаша. – Конкретики в тебе нет, весь в мать. Так не пойдет. Ты должен четко представлять, про что поешь. Например, будешь ты играть в ковбойцев и индейцев и не знать, кто такой ковбой.

– Ковбой он и есть ковбой, – Пашка угрюмо зыркнул по сторонам, но от отца было не так просто отделаться.

– Ковбой – это пастух по-нашему. Вот ты стал бы в пастуха играть? В кого-то вроде Мишки Бобка?

– Не стал бы.

– То-то и оно. Вот видишь, – отец наставительно воздел

палец, – учение свет, а неучение, как говорится, открывает только туманные перспективы. Понял?

– Да.

– Молодец. Тебе задание – выяснить, что это за кенгурука такая.

– Как я выясню? – испугался Пашка.

– Думай, на то тебе голова и дана, чтобы выполнять указание отца. Свободен!

Пашка прошмыгнул в комнату, а отец открыл окно и начал задумчиво плевать в гуляющих по двору кур. Пашка начал метаться по комнате.

– Чего ты мечешься, как тигр в клетке?

– Батя сказал узнать, что такое «Куку-руку». Ты не знаешь? – он с надеждой посмотрел на меня.

– Откуда? – я пожал плечами. – Я ее сроду не ел.

– Может, у Шурика спросить?

– Спроси, но вряд ли, он же вообще нигде не был.

– Ничего, попробую, – Пашка в прихожую к телефону и начал яростно накручивать диск.

– Кому звонишь? – отец оставил в покое кур и обернулся.

– Моргуненку.

– Зачем?

– Про куку-руку спросить.

– Глупо, – отец широко зевнул, явив миру зубы, которым позавидовала бы иная акула. – Моргуненок еще больший Маугли, чем вы с Владом. Сроду из деревни не выезжал,

и до армии уже не выедет.

– У него папка в дурке, – нашелся Пашка. – Шурик мог к нему ездить.

– Интересная гипотеза, – отец закурил, – поездка Моргу-
ненка с Моргунихой к старому Моргуну вполне вероятна.
Но откуда в психушке кука-рука?

– Не знаю, я же там не был.

– Это легко исправить, – мечтательно улыбнулся отец. –
Ладно, хватит трепаться. Звони.

– Я звоню, не берет никто.

– Спят, наверное, – папаша снова широко зевнул. – Зна-
ешь, а ведь батя у тебя кто? – прищурился хитровато.

– Гений? – осторожно сказал Пашка.

– Правильно, гений! Звони Рябичу.

– Зачем?

– Помнишь, как вы, паршивцы, ружье у москвича отняли?

– Это Шурик, – привычно сдал друга Пашка. – Это он все!

Он меня заставил!

– Какая разница? Главное, что у них родственники
в Москве и они приезжают сюда в гости. Могли же и непо-
нятицу эту привезти? Так?

– Точно! – Пашка хлопнул себя по лбу, будто прихлопнув
комариху, и начал набирать другой номер:

– Здравствуйте, Сергея позовите. Это Павел Костромин.
Здорово, Сергей. Ты куку-руку пробовал? Нет, не кукурузу,
куку-руку. Ту, что по телевизору показывают. Видел? Ты ее

пробовал? И на что похожа? Говорит, на мороженое, – повернулся к отцу.

– Брешет, – отец затушил окурок, – мороженое не сможет по свету путешествовать, оно же в Африке растает.

– Мороженое не сможет по свету путешествовать, оно же в Африке растает, – продублировал в трубку отцовские слова Пашка.

– Перепутал? Не пробовал? Так бы и сказал. Ну, пока, – положил трубку и вопросительно уставился на отца.

– Нас не обманешь, – отец расплылся в щербатой самодовольной ухмылке. – Не на тех напал, лапоть деревенский. Ишь, чего удумал – нас объегорить.

– Тебя не обманешь, – заискивающе улыбнулся Пашка.

– Это да, я сам любого армянина околпачу. Слушай, у меня еще лучше идея: позвони Лариске. Она выхухоль еще та, наверняка где-нибудь в магазине сперла куку-руку и сожрала.

– Мне межгород не закажут, подумают, что балуюсь.

– То же верно, – встал с табурета и плюхнулся в продавленное кресло возле журнального столика, на котором стоял телефон. Набрал номер:

– Девушка, директор Костромин беспокоит. Соедините с Клиновском, – продиктовал номер. Дождавшись соединения, гаркнул в трубку:

– Лейтенант КГБ у аппарата! Свечкину сюда срочно! – подождал. – Нин, это ты? Виктор Владимирович беспокоит.

Лариска далеко? Позови. Ничего не случилось, просто надо спросить, – дождался, пока тетя Нина позвала Лариску. – Лорка, привет! Тут Пашка спрашивает, ты куку-руку ела? Ела? Ах ты, какая умница! И на что она похожа? На вафли? Точно? – изумленно посмотрел на Пашку. – Кто бы мог подумать? – снова заговорил в трубку. – Нет, это не тебе. Ну ладно, гуд бай, – положил трубку. – Вафли, понял?

– А чего тогда куку-руку?

– Не знаю. Наверное, из кукурузы делают, как хлеб при Хрущеве. В любом случае, теперь мы решили загадку и можем о ней забыть.

Не тут то было! Через полторы недели от Лариски пришло письмо. В конверте были вложены четыре пустых упаковки от «Куку-руку». «Я хотела прислать вам „Куку-руку“, но их украли, – писала Лариска, – поэтому высылаю упаковки от них».

– Что же у них там все воруют? – возмутилась мать. – В прошлом году у нее так жвачки украли, одни вкладыши прислала.

– Коммуналка, – с пониманием сказал отец, – все друг у друга тянут все, что плохо лежит.

– Некоторые родственники еще и крышки от гробов умудряются утянуть, – ехидно хмыкнула мать.

– А не надо раззявами быть, – парировал отец.

– А сапоги у Нинкиного ухажера кто прибрал?

– А нечего было их за порогом оставлять. Все равно бы

сперли, а так мне какая-никакая, а польза, – отец задумчиво вертел присланные обертки. – И где здесь написано, что вафли?

– Дай Пашке – он в очках, найдет.

Пашка повертел упаковку, понюхал, попытался лизнуть изнутри, но ничего не почувствовал.

– Вафли? – отец внимательно, будто Левенгук, наблюдал за манипуляциями.

– Ну...

– А конкретнее?

– Не знаю, – брат поник головой.

– Но однозначно, что не мороженое, – отец покивал сам себе, – как я и говорил.

После разговора родители потеряли к «Куку-руку» всякий интерес, а вот в голове Пашки возникла очередная авантюра. После прошлой, с подделкой осколка хрустальной пробки от графина под желтый алмаз, принимать в ней участия как-то не хотелось.

– Мы можем их продать, – когда мы варили на костре свиным корм, сказал брат.

– Что продать?

– Куку-руку, – глаза брата лихорадочно блестели, словно у почуявшей сахар лошади.

– Обертки? Кому он нужны?

– Мы в них вафли засунем! – выпалил Пашка.

– Да ну... – я изумленно смотрел на брата – не ожидал

от него такой аферы. – Вафли? Они же больше.

– Обрежем, чтобы влезли, засунем и заклеим!

– Идея интересная.

– А чтобы совсем никто не догадался, мы вафли фломастерами раскрасим!

Меня взяла даже некоторая оторопь: брат открылся с неожиданной стороны.

– Все равно, никто не знает, какие они. Скажем, что нам Лариска привезла.

– И кому ты их продашь?

– Одну Шурику, одну Рябичу, одну Башкиру.

– Там четыре обертки.

– Четвертую ты Оресту продашь.

– Нет, – я покачал головой, – я не буду друга обманывать.

– Подумаешь, – Пашка фыркнул, – обманывать. Мы же не говно положим, а вафлю.

– Все равно, это неправильно.

– Я же своих друзей обманываю, а тебе трудно? – Пашка обиженно надулся, словно клоп. – Брат называется.

– Ты делай, что хочешь, а я друга обманывать не стану.

– Давай тогда Пончику продадим.

– То же самое. Я же сказал, что своих друзей не стану обманывать.

– Я сам продам, ты только не мешай, – подумав, предложил брат.

– Не вздумай!

– Хорошо, тогда продам Верке Лобановой, – кивнул Пашка. – Согласен?

– Попробуй.

Два дня брат тайком раскрашивал украденные у матери вафли, запихнул в обертки и заклеил. Потом позвонил Шурику и назначил встречу в нашем саду. Вернулся довольный.

– За пять рублей продал, – похвастался.

– Молодец. Что дальше?

– Дальше Рябич, – он уселся в кресло у телефона, набирая номер.

К вечеру все поддельные «Куку-руку» были проданы. Брат, ликуя, раз за разом раскладывал на столе деньги, пересчитывая прибыль и свысока поглядывал на меня. Триумф был недолгим. Назавтра рано утром прибежала встревоженная Моргуниха.

– Здравствуй, Егоровна, Пашка ваш Шурику вафлю продал, – выпалила она, едва войдя в дом.

– Вафлю? – ноздри матери начали быстро сжиматься и разжиматься, будто баба-Яга приняховивалась к русскому духу. – Где он ее взял?

– Не знаю.

– Ладно, я разберусь, – зловеще усмехнулась мать. – Это все? – тяжело посмотрела на жалобщицу.

– У Шурика и Мишки (младший брат Моргуненка) все губы синие и языки.

– Зараза!?! – ахнула мать, прижав кулак ко рту. – Эпиде-

мия?!

– Не знаю, – Моргуниха развела руками, – на краску похоже.

– А мы тут при чем? – искренне не поняла мать.

– Так после вафли вашей все, – смутилась Моргуниха.

– Ты, Татьяна, обвиняй, да меру разумей! – мать грозно нахмурилась. – Как от вафли можно посинеть? Это же не черника.

– Не знаю, но сказали, что от вафли.

– Ладно, иди. Я разберусь.

– А деньги? – жалобно пискнула Моргуниха.

– Какие еще деньги?

– Что Шурик за вафлю отдал.

– Он вафлю купил?

– Да...

– Съел?

– Да...

– Какие же тогда деньги? Все же честно. Ладно, иди, мне некогда.

Моргуниха, побаиваясь тяжелого нрава матери, поспешно убралась подобру-поздорову.

– Павел!!! – голос матери заставил зазвенеть посуду в стенке. – Ко мне!!!

– Я тут! – Пашка словно ошпаренный выскочил из комнаты, где как обычно подслушивал чужие разговоры.

– Подслушал?

– Нет, я...

– Не ври, паратифник!!!

– Подслушивал, – поник головой брат.

– Что скажешь на обвинение?

Пашка, запинаясь и заикаясь, рассказал про свою аферу.

– В целом неплохо, – кивнула мать. – Но почему они окрасились?

– Мне показалось, что фломастерами плохо получается, и я красками покрасил. Теми, из тюбиков, – признался брат.

– Они стали есть, краска смешалась со слюной, – проявила чудеса дедукции мать, – все понятно. Ты бестолочь, весь в папашу, аферист-неудачник. Простую вещь не можешь сделать хорошо. Деревенских дурачков обмануть не в силах.

– А что я?

– Мозги надо иметь! Деньги неси!

– Но я...

– Деньги, – отчеканила мать, – я изымаю. На компенсацию пострадавшим!

Пашка принес деньги, умудрившись утаить два рубля. Больше он деньги не видел. Шурик неделю не приходил к нам, а Рябич и Башкир через два дня поймали Пашку и избили, но в целом, история обещала закончиться благополучно.

Но не тут то было!

Лобанова Верка, привыкшая, что от нашей семьи хорошего не дождешься, вафлю не купила. Пашка спрятал ее,

но как-то небрежно. На подделку наткнулся папаша:

– Обожрем капиталистов, – радостно сказал он и, сорвав обертку, радостно захрустел вафлей... – Приходи Маруся с гусем, а потом закусим!

– Ты заболел, Павлик? – выйдя во двор, спросил он, глядя на Пашкины синяки.

– Меня побили, – обиженно шмыгнул носом брат и с надеждой посмотрел на папашу.

– Кто? – брови отца встретились на переносице, словно наши военные с американцами на Эльбе.

– Рябич и Башкир.

– Вот же негодяи! Вдвоем били?

– Да.

– Подлецы, – отец выдохнул дым. – Поймай по одному и избежь гадов!

– Витя, чему ты учишь? – на крыльцо вышла мать, до этого подслушивавшая с веранды.

– Учу жизни, – папаша повернулся к ней и самодовольно улыбнулся.

– Господи! Что с тобой?! – всплеснула руками.

– А что со мной? Я мужчина в полном расцвете сил, в полном соку.

– В зеркало посмотри! В полном расцвете он!

– Что стряслось? – Всполошился отец (он всегда трепетно относился к своей внешности). – Прыщик?

– Какой прыщик? У тебя вся пасть зеленая!!!

– Что? – отец побледнел и сел на ступеньку – ноги его не держали.

– Зе-ле-на-я!!! Как у крокодила Гены.

– Но как? За что? – мутный взгляд его заметался, зацепился за нас. – Дети, подойдите, попрощайтесь с батькой.

Мы робко подошли, отец обнял нас дрожащими руками.

– Помру я, и загнетесь без меня!

– Витя, у меня интуиция, – мать внимательно смотрела на нас, ощупывая взглядом лица.

Мы ежились под этим взглядом, но скрыться было некуда.

– Валь, какая еще интуиция? – из левого глаза отца выкатилась крупная, как у матерого крокодила, слеза. – Я помереть могу, а ты со своей интуицией.

– Павел, – взгляд матери пронзал, как шпага, – ты все вафли продал дурачкам?

– Ну я... – Пашка было попятился, но рука отца держала, словно клещи кузнеца.

– Ну? – подбодрила мать, спустившись с крыльца и взяв Пашку за подбородок.

– Одна оставалась... – брат в ужасе сжался.

– Что за вафля? – слабым голосом спросил отец.

– Витя, ты ел «Куку-руку»? – вопросом на вопрос ответила мать.

– Кто? Я? – начал привычно юлить отец. – Кукурузу?

– Не придуривайся! – голос матери лязгнул металлом.

Бродящие по двору куры подобрались и поспешно ото-

шли – от греха подальше.

– Ну съел... одну, – покраснел папаша. – Подумаешь...

– Это от вафли! – мать хлопнула ладонью по доске веранды, заставив задрожать стекла в окнах.

– Батю! Отравить! Хотел! – отец встряхнул Пашку так, что тот клацнул зубами.

– Я не хотел!!! – взвизгнул Пашка. – Это не я!!!

– А кто? – вкрадчивости в отцовском голосе позавидовал бы и удав Каа. – Назови мне этого негодяя!

– Это...

– Влад? – отцовская рука встряхнула меня так, что едва не оторвалась голова.

– Нет... это... – бросил быстрый взгляд на мать. Видно было, что Пашка лихорадочно придумывает, кого подставить. Привычно свалить все на Шурика не получалось. – Лариска! – осенило его.

– Лариска? – отец задумался, пожевал губами. – Эта выдра вполне могла дядьку родного отравить. Вся в Нинку: за ковер на стенке кого хочешь со свету сживет.

– Витя, это не смертельно.

– Как же не смертельно, когда я весь зеленый?!

– Не скули, я сейчас, – она ушла в дом, вернулась с зеркалом. – Посмотри.

Отец отшвырнул нас и будто утопающий вцепился в зеркало.

– Ой! Ничего себе! Ужас! Валь, ты уверена, что я лапы

не надую?

– Ты скорее от водки дуба дашь, чем от этого.

– Кстати, идея! – папаша упруго вскочил со ступеньки и кинулся в дом. – Надо спиртом простерилизоваться, – прокричал он на бегу.

– Блудливой куме одно на уме, – вздохнула мать и погрозила Пашке кулаком. – Смотри, я же могу и сказать, Ван Гог малолетний. Батя тебе тогда точно ухо отчекрыжит.

– Не говори!

– Ладно, но смотри мне, – еще раз погрозила, – я тебе яйцо вобью в печенку! И ты тоже смотри! – кулак матери очутился у меня под носом. – Зауторник в жопу засуну! – прошипела мать.

– А что я?

– А ничего ты. За братом надо следить, а не по яблонькам с гиканьем зикать!

– Я не зикаю.

– Ты мне еще погордыбачь тут! Живо отцу скажу, что ты его отравить хотел.

Я в ужасе отшатнулся.

– Так что имейте в виду, – ушла в дом.

– Во как, – потрясенно прошептал Пашка. – Она нас шаржирует.

– Шантажирует, – автоматически поправил я и поплелся к ободу, на котором варили свиньям.

Уселся возле него на пень и задумался о мрачных пер-

спективах. Пашка уселся на соседний пенек и начал одухотворенно ковыряться в носу. Меня от раздумий, а брата от исследований содержимого носа отвлек возникший на крыльце отец.

– Помогло, дети мои, – словно ангел слетая с крыльца, заявил он. – Вино спиритус есть панацея от всех бед, – подходя, изрек значительно.

– Во как! – восхищенно прошептал Пашка.

– Но мы должны нанести ответный удар по приспешнице мирового капитала! – было видно, что отец принял не менее полулитра «панацеи».

– По кому? – не понял Пашка.

– По сестренке вашей, лисице белобрысой!

– Лариске? – на всякий случай уточнил брат.

– Так точно, – отец плюхнулся на пенек и закурил, бросив обгоревшую спичку в обод. – По ней, кобыле симферопольской.

– Как? – спросил я.

– Коварно, как же еще? – отец запрокинул лицо в голубое небо и задорно захохотал. – Ха-ха-ха!

Опомнившиеся было после ухода матери, куры снова всполошились.

– Слушайте мой план, пострелята, – отхохотавшись, начал отец. – Возьмите обертку от вафли.

– Куку-руки? – Пашка достал записную книжку и обмусолил карандашный огрызок.

– Ее самую, – закивал отец. – А внутрь набьете конского навоза.

– А если коровьего? – Пашка был ленив и идти искать конский навоз ему было неохота.

– Нет, коровий не пойдет: там консистенция другая. Тут важно, чтобы костюмчик сидел.

– Какой костюмчик? – очки Пашки будто расширились от изумления.

– Костюмчик – в данном случае обертка, – отец досадливо поморщился. – Поняли?

– Да, – закивали мы.

– Набиваете в костюмчик, обертку, – поправился, – конского навоза и посылаем Лариске в бандероли. Только берите какой посуше.

– И что будет? – не понял Пашка.

– Она получит, обрадуется, откроет, а там навоз. Ха-ха-ха, – отец снова громко захохотал.

Из лесопосадки вылетели три потревоженные вороны и недовольно каркая полетели прочь – искать места поспокойнее.

К вечеру указание было выполнено. Недели через две позвонила взбешенная тетья Нина и долго кричала в трубку. Отец виртуозно свалил вину на нас, и мы в его пересказе узнали что: у нас протухли мозги; мы дебилы (с медицинской точки зрения) с отклонениями; мы дальтоники косантые; и что Вальке надо было слушать умных людей и делать

аборт.

Потом отец целую неделю хохотал по утрам и вечерам, распевая:

– Куку-руку уже с нами путешествует по свету.

Даниил Галицкий

Той зимой я читал книгу «Даниил Галицкий» и по вечерам своими словами пересказывал Пашке.

– Рыбу сушеную с жидким медом ели, – поразился он.

– Тут так написано.

– Давай и мы так сделаем?

– Где мы зимой возьмем сушеную рыбу?

– Сами засушим. Папка же рыбы привез.

Отец ездил в Москву – учился заочно, получая второе высшее образование. Из Москвы, кроме рассказов о коварстве чем-то насоливших ему кавказцев, привозил невиданные в наших местах золотистые мандарины, «московсколетнюю» колбасу и непонятную, но вкусную, красную рыбу.

– Возьмем эту рыбу и засушим.

– Заметят.

– Ее же никто не ест, значит, она никому не нужна.

– Ну, не знаю. Где мы ее сушить будем? На чердаке сейчас холодно.

– Мы ее на батарею положим.

– Идея, – согласился я. – А мед жидкий где взять?

– Водой разведем, – подумав, предложил брат.

Так мы и сделали. Наковыряли из трехлитровой банки, подаренной дедушкой Шуриком, меда, развели горячей водой в другой банке. Рыбу порезали на куски и разложили

по батареям. Затопили котел и за домашними делами про рыбу забыли.

Пришедший с работы отец раскочегарил котел еще сильнее и шандарахнул туда пару ведер угля. Полежал на диване, посмотрел телевизор и проголодался. Распевая:

– Нам нет преград на суше и в Ангоре, – он встал с дивана и потопал в прихожую. Открыл холодильник, окинул его внимательным взглядом.

– Валь, где рыба? – прокричал.

Мы с Пашкой напряглись.

– Я откуда знаю? – откликнулась из спальни мать, писавшая очередную пьесу под песни Добрынина.

– Куда она могла деться?

– Я откуда знаю? – мать раздраженно выключила магнитофон.

– Дети мои, – громко сказал отец, – ко мне.

Мы нехотя вышли в прихожую.

– Где красная рыба, хорьки?

– Я не брал, – поспешил откреститься Пашка.

– Ты не хорек, ты охорок мелкий! Влад, ты что скажешь? – отец внимательно смотрел на меня.

– Ну... там вроде была...

– Вот же растратчики! – из спальни показалась расстроенная мать. – У других дети как дети, а с нашими проглотами по миру пойдешь с протянутой рукой. Слопали рыбу к празднику и не подавились.

– Эти могут, – согласился отец. – Помнишь, как они три мешка яблок сметелили?

– Жрули несчастные, – нахмурилась мать. – И худые, как черти. Не в коня корм.

– Это от глистов, – авторитетно заявил отец. – Глистов им протравить, как пороссятам, и все будет хорошо.

– И есть будут меньше?

– Конечно. Сейчас-то они и за себя и за глистов едят, а будут только за себя.

– Неужели глисты так много жрут? – удивилась мать.

– А ты думала! Бывает бычий цепень, так он вообще как удав длиной.

– Ну тебя, Витя, – брезгливо скривилась мать. – Вечно ты всякие мерзости за столом рассказываешь.

– Это биология, а не мерзость. Так что с ними будем делать? – кивнул на нас.

– Лишить на пару деньков еды. Будут знать в другой раз.

– И все? – отец не скрывал разочарования.

– А что ты предлагаешь? На мороз ночевать выгнать? – всплеснула руками мать.

– Можно выпороть, – без особого энтузиазма предложил отец.

– Вить, мне некогда. Хочешь пороть – пори. Но только что бы на улицу не убежали. Я потом не собираюсь за ними по сугробам полночи бегать.

– Ладно, – махнул рукой родитель, – живите пока.

– Насчет протравливания глистов ты подумай. Идея хорошая, – мать ушла в спальню и вскоре Добрынин снова заговорил про «синий туман».

– Синий туман и Костромин, – подхватил отец, – только один, только один, такой Костромин.

Мы от греха подальше юркнули обратно в комнату.

– Надо рыбу обратно положить, – прошептал я.

– Когда уйдет, – согласился Пашка, – сразу и положим.

Отец спев, с чувством глубокого удовлетворения выпил две рюмки молдавского коньяка и пошел на кухню помочиться в ведро из-под угля. Там ему на глаза попала наша банка с медом. Недолго думая, он отпил половину банки, почесал затылок, помочился и допил оставшееся. Вернулся в прихожую, плюхнулся в продавленное кресло и закурил. Мы в это время пытались оторвать от батареи куски рыбы. Батарея была до того горячей, что рыба к ней пригорела. С трудом оторвали кусок, оставив половину на батарее.

– Если мы ее такую в холодильник положим, – сказал я, – то нам хана.

– Давай ее съедим, – Пашка был весь в отца и всегда думал, чем набить желудок – желательно краденным. Отец в этом был просто одержим: однажды даже подстроил пожар в больнице, где я лежал после аварии, чтобы утащить поднос котлет.

– Не знаю, – я задумался, прикидывая варианты.

– О чем это вы шепчетесь? – из-за занавесок дверного

проема высунулась голова матери и подозрительно уставилась на нас.

– Мы ничего, – я уронил рыбу.

– Что-то замышляете, – мать вошла в комнату. – Чем это пахнет? – втянула носом воздух.

– Не знаю.

– Странно как-то. Что это на полу?

– Где? – попытался придуриться брат, но не тут то было.

– В Караганде! – звонкая оплеуха вернула Пашку к суровой реальности. – Подними это.

– Это не я! Это не я!!! – Пашка ловко нырнул под свою кровать и затаился там.

– Можно считать, что признание получено, – мать подняла изуродованный кусок, брезгливо понюхала, швырнула на стол, а сама уселась на Пашкину кровать и подпрыгнула, пытаясь продавившейся панцирной сеткой уязвить Пашку. – Падла ты, Павел, – подпрыгнула сильнее.

Я попытался незаметно отойти к выходу, но не тут-то было.

– Стоять! – нога матери перегородила проход меж кроватей. – Ты куда собрался?

– Я это...

– Ты тоже падла, – ласково обличила мать. – Ты же старший, ты примером для брата должен быть. А ты?

– А что я?

– Головка от буя! Не смей пререкаться с родной матерью!

Думаешь, с чужой теткой лучше будет?!

– Я...

– Что ты разъяркался, падла?! – бешеный взгляд матери зацепился за батарею. – А это что?! – палец беспощадно указал на злосчастную рыбу.

– Это...

– Что это? – медленно повторила мать, вскочив с кровати и шагнув к батарее.

– Рыба, – прошептал я и кинулся бежать.

Убежал недалеко. За занавеской влетел в упругий живот отца и отброшенный им шлепнулся спиной об боковую стенку шифоньера.

– Ты куда собрался? – отец вошел в комнату. – Валь, сознались?

– Вон туда посмотри, – палец матери указал на батарею.

– Что это?

– Твоя праздничная рыба. Точнее то, во что наши ироды превратили твою праздничную рыбу.

– Зачем? – искренне удивился отец и больно шелкнул меня по лбу.

– Мы в книжке прочитали... хотели попробовать.

– Говорила же, – удовлетворенно кивнула мать, – что зачитается, как Вася Кенюш. Книжки они никого еще до добра не доводили.

– Да, какое-то горе от ума получается, – отец плюхнулся на Пашкину кровать. – Мало мы их работой загружаем, что

время на книжки остается. Надо не просто что бы картошку свиным варили, а что бы чистили перед этим.

– Думаешь, поможет?

– Труд и не таких раздолбаев перековывал, можешь мне поверить. Не бог, а труд создал из обезьянов человека! – наставительно воздел палец папаша.

– Вить, ты поаккуратнее бы про Бога.

– Его же нет, – понизил голос отец.

– Мало ли...

– Ну...

– Что за книжку читали? – мать подошла и, взяв меня за плечо, крепко встряхнула. Я ударился затылком о шифоньер. – Аккуратнее, шифоньер не поцарапай, – досадливо поморщилась мать.

– «Даниил Галицкий»

– Что за ересь такая?

– Забавная книжка, – сказал отец, – я читал.

– Сжечь бы ее.

– Библиотечная, как ты ее сожжёшь? Деньги кто потом платить будет? Ты?

– Сжечь бы вместе с библиотекой.

– Тогда и клуб сгорит. Где пьесы будешь ставить?

– Ладно, убедил, – мать была натурой экономной, но артистичной, – жечь не будем.

– Оставим оболтусов без наказания? – отец дотянулся до батареи и, отрывая куски рыбы, бросал их в пасть.

– Почему же? Им дай слабину, так с комсомольским задором на шею вскочат. Устрою им «крокодилище», только этой книжкой. – «Крокодилище» – пытка, придуманная матерью. Она начинала долбить провинившегося по голове оранжевым томиком «Водители фрегатов» Н. Чуковского. А «крокодилище» потому, что путала Николая и Корнея Чуковских. «Доктора Айболита» очень любила и когда лечила нас от травм, то всегда цитировала. – Устрою назидательное наказание, на всякий случай, для профилактики. Отучу от чтения глупых книжек.

– «Даниилище» получится, ха-ха-ха, – отец пнул ногой под кровать, угодив в Пашку и утробно, будто комлевой филлин, захохотал.

Котлеты украл валет...

Отец очень любил воровать, особенно еду. Прямо трясся, когда видел возможность стащить что-нибудь съедобное. Еще будучи помощником агронома в Пеклихлебах столько черного молотого перца натаскал из колхозной столовой, что мы его лет пятнадцать потом не могли доесть. Повариха, которой надоело постоянно покупать перец за свои деньги, в конце концов подловила отца и вышибла ему зуб. Но отец не унывал и на новом месте жительства всем рассказывал, что потерял зуб, помогая КГБ обезвреживать опасную банду контрабандистов.

Когда после аварии я лежал в больнице⁶, родители навещали меня. Однажды отцу повезло и он сожрал порцию моего соседа по палате. Тот вышел на встречу с женой и так как был на костылях, то запоздал к обеду, а отец не упустил выпавшего шанса.

– Слушай, а тут у вас неплохо кормят, – облизнув большую алюминиевую ложку, он спрятал ее в карман пиджака. – Даже не ожидал.

– Не знаю, – мать чопорно поджала губы, – когда я с операцией на почке лежала, то кормили плохо. А ты бы мог хотя бы суп человеку оставить.

⁶ См. рассказ «Странная и непонятная история»

– Почечников всегда плохо кормят, – авторитетно заявил отец, – потому что у них ливер больной и получается не в конья корм. А тут хирургия: с переломами и ранами кормят лучше. Я когда в госпитале после ранения лежал...

– Какого ранения? – перебила мать.

– В Афганистане когда служил, – не моргнув глазом сохрал отец, – то меня два раза ранили.

– Вить, – мать покрутила пальцем у своего виска, – ты ни в каком Афганистане не служил. Опять заговариваешься.

– Я служил, – обиженно надулся отец, – только секретно. Об этом никто не знает.

– Ты так скоро как наш Петька станешь, такой же трепло⁷.

– Ничего я не трепло! – отец обиделся еще больше и ушел, не забыв прихватить опустошенную тарелку соседа.

– Вот же ботало! – мать злобно плюнула ему вслед. – Поверила же я ему на свою голову. Так соловьем разливался, так пел, а теперь живем в дерьме.

Отец прогулялся по коридору, заглянул в столовую, где кормились ходячие больные. Хмыкнув, снял халат и повесил на ручку стоящей в коридоре каталки. Уверенно зашел в столовую, стал в очередь. Послушал ответы больных на вопросы раздатчицы. В свою очередь добрался до вожаемого окошка.

– Вам какой?

– Первый стол.

⁷ См. рассказ «Петюшка»

Получил поднос с обедом, нашел за столом свободное место и, шаря по сторонам внимательными глазами – не осталось ли чего доесть – быстро сметелил полученную порцию. Привычно облизав ложку, незаметно сунул ее в рукав. Миску брать не рискнул. Отнес поднос с грязной посудой к мойке, заодно прихватив чей-то стакан и покинул столовую.

Облачился опять в халат и важно пошел к выходу, деловито раскланиваясь с врачами и по пути спрашивая у попадавшихся больных о температуре и густоте утреннего стула. Из-за представительного вида отца больные терялись, принимали его чуть ли не за приехавшего из Москвы с проверкой профессора и начинали нести всякую околесицу. Отец понимающе кивал и раздавал рекомендации. Добравшись до вестибюля, надул щеки и невозмутимо прошел мимо медсестры, утащив из больницы халат.

Назавтра мать пришла перед обедом одна.

– Отец не смог, занят.

Вскоре из коридора запахло дымом и забегали встревоженные люди.

– Пожар! – пронеслось по этажу.

Ходячие больные хлынули на улицу сами, неходячих вытаскивал медперсонал.

– Вы чего сидите? – в палату заскочил сосед на костылях и поковылял к тумбочке, выгребая все ценное. – Там горит! Бегите!

– Мы сейчас, мы скоро, – отмахнулась мать и удержала

меня от попытки приподняться. – Ты куда?

– Пожар же! Сгорим!

– Не сгорим. Не вертись.

Сосед шустро проковылял за дверь.

– Сгорим!!! – не унимался я.

– Да утихни ты! – мать вlepила мне звонкую пощечину. –

Что за паникер?

– Во время войны паникеров расстреливали, – в палату вошел жующий отец. Подошел, сунул мне в руку три котлеты. – Жуй, трус.

– А пожар?

– Нет никакого пожара. Это я дымовухи раскидал, – самодовольно ощерился выбитым зубом папаша.

– Зачем?!

– Зато все котлеты упер, – он откинул полу белого халата, потом пиджака, показал болтающуюся на боку плотно набитую холщовую сумку. – Учись, студент, пока батька жив.

– Ты поджег больницу из-за котлет? – не поверил я.

– Не только, – отец так и лучился самодовольством. – Я еще и рыбу жареную прихватил, – показал сумку на другом боку. – И компота десять порций выпить успел! Во как!

Нервная ночь

Отец был просто маниакальным ворюгой. Однажды мы с ним по какой-то причине заехали к Свечкиным в общежитие.

– Здравствуй, Нин.

– И тебе не хворать.

– Нин, нам до дома еще пилить и пилить, до ридной батьківщини – не ближний свет. Давай, мы у вас переночуем?

– Давай, – нехотя согласилась тетя Нина.

– Соловья баснями не солят. Нин, все, что есть в печи, все на стол мечи, – довольно, словно сытая муха лапки, потирая руки и втиснувшись на табурет, притулившийся в узком прощегале сбоку от стола в «куркурятнике», сказал он. – Как говорится: гость в дом – бог в дом.

– Да уж, – досадливо поморщилась тетя Нина, отличавшаяся скарედностью и жлобством даже на фоне наших скупых, прижимистых и бережливых родителей, и начала нехотя доставать из холодильника немудреную снедь: вареную картошку, зеленый лук, скисшее молоко, сливочное масло, хлеб.

– Стой, это колбаса? – отец придержал дверцу, которую она собиралась закрыть, и ткнул пальцем в глубь холодильника.

– Она старая, – сквозь зубы сказала тетя Нина. – Я ее выбросить хотела.

– Тогда тем более не жалко – доставай.

– Вить, вы же потравитесь!

– Не бойсь, не потравимся. Не дождетесь.

Полбатона вареной колбасы оказалось на столе.

– А в той банке что? – отец начал, не глядя, шустро пластать колбасу ножом на толстые куски.

– Лечо. Оно старое уже, засохло.

– Кучеряво живете: лечо сохнет. Тащи сюда. Соуса томатного нет?

– Соуса нет, – с облегчением вздохнула тетка.

– Горчица?

– Нет.

– Хрен?

– Нет.

– Майонез?

Тетка пожевала губами, что-то взвешивая в уме и сказала:

– Есть чуток.

– Доставай: будем гамбургеры делать.

– Что это такое? – спросила Лариска, до этого стоявшая молча и с изумлением наблюдавшая за налетом дяди.

– Сейчас покажу, – он взял кусок хлеба, намазал сливочным маслом и майонезом, положил лук и накрыл с двух сторон двумя кусками колбасы. – Вот гамбургер, – потряс перед носом Лариски. – Сейчас в Америке все такие едят. И главное, что маслом вниз никогда не упадет, как бутерброд, – засунул в свою пасть сразу половину.

– И негры едят? – спросил я.

– Неграм не дают, – перемалывая крепкими челюстями еду, ответил папаша. – Негров там вообще за людей не считают: апартеид называется, – дожевав гамбургер, принялся делать второй. – Еще хорошо огурец соленый положить. Нин, у вас огурцы соленые есть?

– В подполе, – закатила глаза тетя. – Не полезу же я из-за одного огурца?

– Почему нет? Влад нырнет, он молодой и пролазливый. В каком подполе?

Подполы у запасливых Свечкиных были и в одной и в другой комнате, только «куркурятник» был ими обделен.

– В зале, – решила тетка и достала из-под стола топор. – Только аккуратнее там.

Под аккомпанемент жующего отца мы закатали палас и подняли доски подпола. Я полез вниз, стараясь не испачкаться в пыли.

– Вон в том углу смотри, – наводила тетя Нина.

Нашел банку, подал ей, выбрался наверх. Отец, завладев огурцом из вскрытой банки, уже ладил третий гамбургер.

– Нин, а выпить?

– Вить, ты же за рулем.

– За рулем я завтра буду, а к утру все вычхается.

– Водку будешь? – проскрежетала зубами тетя Нина.

– Конечно, буду, – щербато улыбнулся отец. – От водки нахаляву только дурак отказывается, а я не дурак. Я же со-

держательный человек, директор, не фигля-мигля какой.

Водку малопьющая Свечкина из жадности отоваривала на талоны, а потом перепродавала местным алкашам. «Нинкины алики», – как их ласково называла наша мать. Тетка выдала бутылку «Столичной», отец радостно набулькал стакан и браво хлобыстнул его.

– Дядя Витя, а откуда ты про эти гамбургеры знаешь? – спросила Лариска.

– У нас в ликбезе негры учились – они рассказывали, – отец налил второй стакан и опрокинул в себя. – Да уж, водку явно не ключница делала. Нин, кстати, у вас кильки нет?

– Какой еще кильки?

– А какая есть? – по-ленински хитро прищурился отец.

– Вроде никакой, – замялась тетя Нина.

– А мне кажется, что соленой пахнет.

Тетка, перекосившись лицом, достала из холодильника кастрюльку с соленой килькой. Отец начал прямо горстями кидать ее в рот.

– Луку почисти, к соленой рыбе лук первое дело, – распоряжался он, доливая в стакан остатки водки.

Тетя Нина, ненавидяще глядя на нас, чистила репчатый лук.

– Помнишь, как мойву с морковкой тушили? – отец оперся широкой спиной и стену и расслабленно закурил, стряхивая пепел в стакан.

– Вить тут нельзя курить, я же астматик. И никакой мойвы

я не помню.

– Ну как же? – удивился, пропустив мимо ушей слова про астму. – Морковочку с лучком потушишь на сковородочке, а потом туда мойвочку и сверху этак той же морковочкой и прикроешь, – причмокнул. – Объединение получается и мойвой совсем не пахнет. Помнишь, ты все время ела так, что за ушами трещало? Вечно после тебя никому не доставалось.

– Да не было такого! – тетя Нина вскочила с табурета, куда было примостилась. – Ты уже заговариваешься!

– Не было, так не было, – необычно покладисто согласился отец. – Как говорится, не болит, а красный. Давайте спать, – забросил окурок в горлышко водочной бутылки, – утра вечера мудренее.

С трудом сдерживающаяся тетя Нина разложила в зале диван и постелила нам. Сами они легли во второй комнате, на кровати.

Я уже начал засыпать, когда отец ткнул меня жестким пальцем в спину.

– Спишь, сынку? – прошептал он.

– Угу.

– Не время спать: надо дело делать.

– Какое?

– Пока эти курицы спят, мы обчистим подпол.

– Чего?! – я едва не закричал, но отец зажал мне рот широкой ладонью.

– Тихо все вытащим, а потом ты мне передашь в окно,

а я в машину загружу. Натянем городским клушам нос, – затрясся в беззвучном смехе, заставив задрожать диван.

– Вить, что у вас там? – тетя Нина не без оснований подозревая младшего брата в какой-нибудь каверзе, не спала, чутко прислушиваясь к происходящему в зале.

– Ничего, – недовольным сонным голосом ответил отец, – спим мы.

– А мне показалось...

– Когда кажется, как говорится, креститься надо. Не мешай спать, нам завтра рано вставать.

Все утихло и я опять начал погружаться в зыбкие воды сна. Проснулся от отцовского пинка.

– Не спи, тетерев, – шептал он, – слышишь? Нинка храпит. Пора!

Я начал осторожно вставать с дивана, а он вдруг предательски заскрипел. Храп тети Нины мгновенно смолк. Я застыл: наполовину на диване, наполовину на полу. В тусклом свете фонаря, процеженном через пыльную штору, был виден грозящий мне кулак отца. Прошло минут десять: мое тело уже начало дрожать от усталости, когда храп возобновился. Я встал на пол – доски противно заскрипели. Храм стих. В тишине было слышно лишь тиканье будильников.

– Вить, что там у вас?

Отец молчал, думая прикинуться спящим.

– Вить?

– Чего тебе? – жестами показал, чтобы я ложился обрат-

но. – Спим мы давно!

– Ладно, спите.

Я лег обратно – диван заскрипел. Чиркнула спичка, в дверном проеме показался дрожащий огонек. Свечкина старшая в халате и со свечой в руке вплыла в комнату. Поводила свечой.

– Нин, что тебе надо? – недовольно спросил отец.

– Показалось, что скрипит что-то.

– И что? – он натурально зевнул.

– Думала, вдруг воры лезут?

– Какие воры? Тут же мы!

– Воры же об этом не знают.

– Тут у вас красть нечего.

– Не скажи. Вон в прошлом году аж крышку от гроба украли у соседей⁸.

– Хм... – отец не нашелся что ответить.

– Ладно, пойду спать, а вы прислушивайтесь, если что.

– Хорошо.

Час прошел в тишине, разбавленной тиканьем.

– Первый пошел, – прошипел в ухо отец.

Попытка встать – скрип.

– Вить, что там?

– Вот же клуша бдительная! – шепотом выругался отец. –

Ни днем, ни ночью покоя от нее нет.

– Вить? – настаивала тетя Нина. – Вы там живые?

⁸ См. рассказ «Сапоги мертвеца»

– Да уймись ты уже!!! – в бешенстве закричал отец. – Нет тут никаких воров!!!

Кто-то начал стучать в стенку:

– Вы дадите людям поспать?

– Да спите вы, уроды! – отец зло врезал кулаком в стену.

– Понаехали тут, – бурчали за стеной, – мало того, что в унитаз серут, так еще и спать не дают.

– Дурдом какой-то, – зло сказал отец и сердито засопел.

Вскоре все улеглось и тетя Нина вновь мирно захрапела. В аккурат до моей следующей попытки встать.

Уже светало, когда мы предприняли последнюю попытку, снова разбудив бдительную Свечкину. В шесть утра злые и не выспавшиеся уехали. Отец утешился тем, что прихватил на общей кухне два полотенца и чей-то чайник, а еще демонстративно не смыл в общем туалете. Всю дорогу до дома он клял старшую сестру на чем свет стоит. Досталось между делом и Лариске.

– Ни Свечкиным свечка, ни черту кочерга! Проклятые хапуги! У них там запасов значено, как на ядерную войну. И еще водка, там должно быть много водки, – объяснял он. – Я же специально остался ночевать у этих нутрий, чтобы подпол прошерстить. А тут такой облом!

– Ну да, – сонно поддакивал я.

– Чуть без добычи не остались из-за этих кикимор, а это плохая примета: вернуться домой без добычи.

– Почему?

– Удачи не будет потом. А так не совсем безуспешно съездили: хоть чайник прихватил.

– Зачем нам еще один чайник?

– Хм... Пашке привесим: будет воду таскать как товарищ Сухов по пустыне. Ха-ха-ха, – раскатисто захохотал.

– Угу.

Больше мы у Свечкиных не ночевали.

Кто ездит в гости по утрам (Всадник без головы)

Однажды мы задержались в городе на заводе и вечером ехали домой.

– Кто ездит в гости по утрам, тот поступает мудро, – напевал отец, – то тут сто грамм, то там сто грамм – на то оно и утро. На то оно и утро.

– Сейчас вечер.

– Не бурчи! Мал еще меня учить. Кто ходит в гости ввечеру, – не растерялся отец, – тот похмелится по утрам. Заедем-ка мы к бабке Дуне, проведем старушку-мать.

Отец всегда старался заскочить к своей матери, чтобы прихватить что-нибудь ценное: целыми ящиками возил от нее помидоры и лук летом; консервацию и мешки картошки – зимой. По своей паскудной привычке норовил еще и что-нибудь утащить.

– Мам, готовь яичню, – ворвавшись в дом, по пути сшибив в темных сенях пустые ведра, закричал отец. – Виктор Владимирович приехал!

Бабушка степенно вышла на тесную кухоньку. Отец схватил ее в охапку и звучно, по-брежневски, расцеловал.

– Живой я, живой! – орал он.

– Вить, что ты орешь? Я хорошо слышу, не оглохла еще.

– Мало ли, – он убавил громкость и плюхнулся на стул. – СтаршОй, пока бабушка нам обед готовит, ты дурью не майся, а наноси ей воды.

– Вить, пускай ребяенок отдохнет.

– На том свете отдохнет. Чего стоишь? – посмотрел на меня. – Слово начальника – закон для подчиненного. Это у нас дома крантик с водой, а тут из колодца надо таскать, а бабушка у нас уже старенькая. Ведра в сенях, колодец в овраге. Бегом, кругом, марш!

Я взял в сенях два ведра и пошел к колодцу. Возле старого сарайки зашлась истошным лаем Жучка. Она была настолько злобной, что вместо ошейника была прикована к кольцу, продетому сквозь ляжку. Но все равно, рвалась ко мне, не смотря на боль.

Старательно обойдя беснующуюся Жучку, спустился в овраг. Колодец был хороший, с вкуснейшей холодной водой и длинной цепью. Бросил вниз колодезное ведро, зачерпнул воды, начал наматывать цепь на ворот. Поднял, перелил в бабушкино ведро, и повторил заново. Из второго ведра, прежде чем перелить, напился – вкуснятина! Отнес ведра в дом, вылил в пятидесятилитровую алюминиевую флягу, снова пошел к колодцу.

Пока наносил две фляги, широкую кастрюлю и таз, отец уже успел умять сковородку яичницы на сале, а бабушка пожарить картошку, опять же на сале.

– Где тебя носит? – недовольно спросил отец. – Картошка

стынет.

Судя по тому, что большая сковорода с картошкой опустела всего наполовину, картошка «стыла» недолго.

– Я воду носил.

– Наносил?

– Так точно.

– Вот так и подобает вести себя истинным тимуровцам!

– Садись покушай, Владик, – вставила бабушка, – а то ничего не достанется, – покосилась на сына.

– У меня растущий организм, – отец налил в стакан самогон и махом опрокинул в себя, – мне калории и микроэлементы всякие нужны.

– У тебя всю жизнь растущий организм, – укорила бабушка. – Только пользы с него нет.

– Это еще как посмотреть, – когда отец выпивал, его часто тянуло на демагогию. – Наука диалектика учит нас, что учение Маркса всеильно, ибо оно верно. И наоборот, как говорится. Вот так и с пользой от меня. Но зато я ёмок, не тщедушный какой, – отец ласково огладил живот.

– Вить, хватит языком впустую молоть. Ешьте.

Я налег на картошку, соленые огурцы, квашеную капусту и сало. Отец допил бутылку.

– Мам, давай еще одну.

– Ты же за рулем!

– Ничего страшного, я же депутат, – любовно погладил значок на лацкане пиджака. – Семь бед – один ответ, – мах-

нул рукой. – После нас хоть Андропов. Лучше быть нищу, да живу, чем богату, но мертву.

Вздыхнув, бабушка принесла еще бутылку.

– На бога надейся, а наливай себе сам, – отец выпил стакан. – Помнишь, как мойву с морковкой тушили?

– Не помню я.

– Ну как же? – удивился. – Морковочку с лучком потушишь на сковородочке, а потом туда мойвочку и сверху этак той же морковочкой и прикроешь, – причмокнул. – Объединение получается и мойвой совсем не пахнет.

– Не помню.

– Нинка ее еще очень любила. Как сядет жрать, так за уши не оттащишь. Помнишь, как она сковородку одна съедала?

– Как ты сковородку грибов или там жарехи съедал, – кивнула бабушка, – помню. А как Нинка мойву – нет. Да и не покупали мы мойву, у нас селедка бочками стояла.

– Селедочка дело хорошее, – вздохнул отец и снова набулькал стакан. – От селедочки душа радуется и желудок играет, или, как говорится, наоборот, – выхлебал самогон, поморщился. – Короче, Склифосовский! А селедки у тебя нет?

– Селедки нет. Селедка сейчас дорогая, только на кильку и хватает.

– Килька есть?

– Есть чутка.

– Вот то-то и оно! Неси, старушка дряхлая моя.

Бабушка принесла миску мелкой соленой кильки и отец

начал поглощать ее так жадно, будто ничего не ел неделю.

– Мелковата, – чавкая, сказал папаша, – и надо с лучком солить.

– Еще что? – кротко спросила бабушка.

– Еще хорошо бы маслицем полить, для аромата.

Бабушка встала с колченогого стула, оставшегося от усадьбы какого-то помещика, достала с полки бутылку масла и молча поставила перед отцом. Папаша, несколько не смутившись, щедро полил маслом кильку, потом остатки картошки, потом кусок хлеба. Оглядел дело рук своих, потер их, словно большая навозная муха и сказал без ложной скромности:

– Это хорошо, – после чего продолжил подкрепляться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.